

Архимандрит Софоний (Сахаров):
приношение современному
монашеству

**Архимандрит Софроний (Сахаров):
приношение современному монашеству**

Екатеринбург
2018

УДК 271

ББК 86.372-4

А 94

А 94 **Афанасий (Коренкин), иером.** Архимандрит Софроний (Сахаров): приношение современному монашеству. — Екатеринбург: Церковно-историческое общество, 2018. — 84 с.
ISBN 978-5-6041640-3-7

© Церковно-историческое общество, 2018
© Афанасий (Коренкин), иером., 2018.

Предисловие

В середине XIX века о сложном положении монашества в России, точнее об его упадке, с болью размышлял и писал святитель Игнатий (Брянчанинов) в своих трудах «Приношение современному монашеству» и «Собрание писем». Он пишет: «Предсказания многих святых отцов схожи между собою и возвещают о том, что монашество последних времен будет проводить жительство весьма слабое, что ему не будет представлено ни тех душевных сил, ни того обилия благодатных даров, какие были представлены первым монахам, что самое спасение будет для него весьма затруднительно». Он также указывал на обоядную зависимость общего уровня христианской жизни в Церкви и устроения монашества, говорил о том, что великие подвиги древних отцов недоступны современным ему христианам. «Итак, скорби суть по преимуществу удел наш, удел современного монашества, удел, назначенный нам Самим Богом». Причиною такого состояния монашества оказывается общее охлаждение веры, оскудение любви, гордость ума с одной стороны и немощи тела с другой, а также крайнее оскудение духовных наставников.

Трагедия XX века, ужасные гонения на Церковь нанесли сокрушительный удар по институту монашества, когда физическое уничтожение, с одной стороны, и крайняя нехватка духовного назидания, с другой, привели монашество на грань исчезновения. Множество монастырей в России были закрыты, превраще-

ны в тюрьмы, колонии, трудовые артели, фабрики или просто разрушены. Запустение постигло и Русский Афон, где не было притеснений, физических гонений, но произошло чрезвычайное умаление насельников русских монастырей на Афоне. В 1913 году пять тысяч русских монахов населяли Святую Гору, только в Свято-Пантелеимоновом монастыре подвизалось более двух тысяч, а к 1956 году их осталось всего несколько десятков.

В настоящее время происходит восстановление церковной жизни, в том числе и монашеской, однако этот процесс идет достаточно сложно. Продолжается непростой поиск путей восстановления духовной атмосферы в монашеских общежитиях, определение меры и способов аскетического подвига, как личного, так и монашеской общины.

Проходя сквозь все испытания монашество все же существует и будет существовать до конца времен. И ныне, говоря о монастырях, мы можем вторить святителю Игнатию (Брянчанинову): «Они, как установления Святого Духа, испускают лучи света на христианство, еще есть там пища для благочестивых, еще есть там хранение Евангельских Заповедей, еще там строгое догматическое и нравственное православие, там также редко, крайне редко, обретаются живые скрижали Святого Духа».

Архимандрит Софроний (Сахаров), по нашему мнению, достоин особого, пристального внимания к себе в среде русского монашества. Значение его лич-

ности и оставленных для нас трудов особо важно для современного христианина, как живущего в миру, так и несущего монашеский подвиг. Он явил нам в своей личности живую святоотеческую традицию, удивительно глубоко открывая сущность монашества в своих наставлениях.

Отец Софроний провел 22 года на Святой Горе, познав опытом все возможные формы православного подвижничества, он вошел в живую среду предания отцов, начиная с ученичества у преп. Силуана Афонского. Подобно преподобному Паисию (Величковскому), перенесшему монашеский опыт Афона на русскую землю, отец Софроний смог перенести дух и предание православного востока на европейскую почву. Вместе с учениками старца Иосифа Исихаста он дал новый импульс современному монашеству, в последние годы пребывания на Афоне был духовником несколько греческих монастырей и скитов. Наконец, им был организован в Англии монастырь в честь Святого Предтечи и Крестителя Иоанна, который стал православным духовным центром, куда притекали многие и многие жаждущие правды души. Изучение такого опыта представляется необходимым и для устроения монашеской жизни в современных монашеских общинах в России.

Учение о монашеском пути

О монашестве

Архимандрит Софроний (Сахаров) в своих мыслях, в своем учении о монашестве трепетно и с величайшей любовью раскрывает саму сущность монашества. Видно, что предмет, о котором он пишет и говорит, чрезвычайно дорог ему, но высота образа жизни далеко не всеми может быть воспринята или хоть как-то понята. И о. Софроний, как истинный носитель монашеского духа, опытно познавший все формы и степени его проявления, снимает покрывало, которое доселе лежит на сердцах многих и многих христиан, даже носящих сей великий образ (2 Кор. 3, 14-18). Это имеет огромное значение для современного христианства, но «слово о монашестве чрезвычайно трудно, особенно, если о нем говорит монах... Современники, слыша те же слова, которые они читают в Священном Писании, не терпят живых людей их говорящих, почитают их безумными и гордыми» [8, 112-113]. «Кто может вместить да вместит» (Мф. 19, 12).

В своем учении отец Софроний строго держится традиции святых отцов, однако при этом открывает некоторые новые оттенки особенностей нашего времени и современного христианства. Он полагает, что если мы познаем сущность монашества, то вставши, на сей путь, легко найдем этому знанию приложение во всех иных формах жизни человеческой, так как монашество не другая вера, нет христианина не подвиж-

ника. Монашество лишь некая концентрация жизни христианской, в сущности своей сродно любому православному человеку. «Царство Небесное силою берется» (Мф. 11, 12).

В монастыре монаху необходимо задавать себе вопрос на каждый день, на каждый час, что я тут делаю, зачем пришел сюда? Тогда внимание от мелочей и второстепенных вещей будет возноситься горе, там, где Христос. Монах должен творить волю Божию, у него нет и не должно быть иной цели, но воля Божия распинает ветхого человека, творить ее нелегко, неприятно и даже больно. И только так монах преобразит свое естество, свой ум, сердце и плоть, то есть станет не каким-то одиноким человеком, а действительно иноком, иным, не от мира сего.

Отец Софроний в своих трудах поет дивную песнь монашеству, вторя святым отцам: «Монашество есть культура, которая, по моему глубокому убеждению, не имеет себе равной в мире сем» [2, 228]. Это культура одежды, культуры питания, культуры пения, иконописи и каллиграфии, культура быта как образ—икона Царствия Небесного. Но самое главное — это культура ума и сердца, что и есть истинная красота. «Образ есть неизреченные Твои славы...» (прп. Иоанн Дамаскин). Преподобный Феодор Студит говорит о монашеском образе жизни как о последней и высшей благодати, «третьей благодати» (первая — крещение, вторая — покаяния, третья — монашество), «как сведение ангельского мира на землю, как достижение

и реализация в истории того, что по существу своему лежит за ее пределами».

О том же пишет прп. Иоанн Лествичник: «Монах есть тот, кто, будучи облечен в вещественное и бренное тело, подражает жизни и состоянию бесплотных». Монах держит слова Божии, слова Писания во всем внимании, во всякое время и во всяком месте: «Следуй за Мною» (Мф. 19,21). «Да и все почитаю тщетою ради Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобресть Христа» (Флп. 3, 8). «Все суeta — суeta, сует» (Еккл.1.2) в этом мире и в монашеских обетах уже заключается великая мудрость отречения от этой суеты, Бог сделал монахов своим знамением среди людей.

Зная такую высоту идеала, как молитва за весь мир, и восхищаясь этим идеалом, отец Софроний остается трезвым в своих суждениях: *«Но, как показал мне опыт, мы должны начинать с азов»*. В рассуждении о способах устроения монашеской жизни он склоняется к общежитию: *«И для каждого из нас монашеская жизнь, прежде всего, должна поставить своею целью жить братство наше как единого человека. Из-за этого общежитительная форма монашества особенно удобна для достижения этой цели»*[2, 286]. На Тайной Вечере Господь заповедал: «Да любите друг друга» (Ин. 13, 34).

В монашеском общежитии евангельская жизнь утверждается на основе трех главных добродетелей (веры, надежды и любви), и мы знаем, что так мыслили

многие отцы, в частности Василий Великий и Иоанн Златоуст. Преподобные Антоний и Пахомий Великие советовали монахам, особенно новоначальным, подвизаться в общежительных монастырях. И этот совет дан в те первохристианские времена горячей ревности и первой любви.

Монашеская жизнь — жизнь евангельская, а монастырь — место и время жизни с Богом и ближним. Поэтому монах должен настраивать себя на борьбу с эгоизмом, с себялюбием именно на этом месте и на каждый день. Первое это то, что он должен быть доволен всем, что бы с ним не случилось в монастыре из-за искушений или различных обстоятельств. Такое довольство само по себе высоко по слову апостола Павла: «Великое приобретение — быть благочестивым и довольным» (1 Тим. 6, 6).

Милосердие, терпение, мужество и великодушие — первые и основные свойства души монаха. Поэтому очень серьезная проблема современного монашества — это нехватка терпения в духовной жизни, в которой положительная динамика происходит крайне медленно и с большим напряжением. Современный же человек хочет, чтобы все было быстро, из-за этого нестабильность и текучка в монастырях, да и вообще неспособность молодых монахов к послушанию и молитве. И если останавливаться на проблеме современности, то нужно отметить, что в наши дни нет четкости, все крайне перепутано. Общество и его цели изменились, сам же человек при быстром физическом

развитии, очень медленно развивается в душе. Менталитет взрослых людей еще в 30 лет остается все еще детским, нет серьезности и ответственности к жизни, а невежество, наивность и безответственность стали нормой. Инфантильность и нарциссизм — вот облик современного человека и он крайне затрудняет появление достойных членов монашеских братств.

Отец Софроний раскрывает свою мысль о монастыре как о школе, и школе высшей, где постепенно человек усваивает вечную жизнь через заповеди Христа: «*О, сей дивный и таинственный процесс!*»; «*Монашество является училищем благочестия, наукой побеждать страсти. Монастыри и пустыня дают свободу предаться плачу покаяния в такой мере, в какой мир едва ли когда позволяет. В этом смысле монашеству принадлежит образование высшего, по сравнению с академическим, порядка. Но и, поняв сие положение вещей, монах, как я могу свидетельствовать, не презирает школьного образования, что было бы не просто ошибкой, но и грехом. Значительно чаще погрешают академисты богословия неведением экзистенциального опыта подлинного монашества, его неоценимого значения для жизни всей Церкви, всего христианства*»; «*Мы поступили в школу, диплом которой мы получим после смерти, а не при жизни*» [9, 42].

Монастырь в идеале своем должен быть настоящей школой, где формируется личность для Царства Небесного и душа постепенно образуется в духе Евангельских заповедей, а преуспевшие становятся

друзьями Господа Иисуса Христа. Хороший монах является благороднейшим человеком, неким аристократом духа. Святые — это сыны Царя Небесного, князья Духа. И как они должны жить в этом мире, какой образ жизни достоин их звания? «Вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Петр. 2, 9).

«Одна из самых главных задач в программе монашества — через соблюдение заповедей Христа достигнуть состояния бесстрастия, т. е. освящения ... — тогда весь стиль нашей жизни меняется» [3, 12]. Дело монаха — преобразить себя, свой ум, свое сердце, свою волю, стать действительно по состоянию иным. «Цель наша не в знаниях, хотя и их мы должны иметь, и не в функциях, когда ценится функция какая-то в общественной организации, будь то министра, или президента. Старец Силуан говорит: “Это не важно” [3, 12]».

Цель сей школы — любовь. «Так, в нашей монашеской жизни, если мы не будем учиться любви, то я не знаю, какое оправдание можно было бы высказать в пользу монашества. Нет его!». «Но научаемся мы этому великому таинству любви Божией постепенно» [3, 94].

Вот на это и делает акцент о. Софроний, т. к. современный человек надеется на свой интеллект, но не обилие знаний спасает, а любовь. Вспоминая старца Силуана, о. Софроний приводит такой диалог:

«Я сказал ему:

— Жалею, что я постоянно больной и нет у меня сил посвятить больше времени богословию.

Он со свойственной ему кротостью и тихостью спросил:

— И вы считаете это великим?

Я держался с ним, сознавая, что он есть высший дар благоволения Божия обо мне. И, конечно, я не мог ответить на его вопрос.

После некоторого молчания он говорит:

— Велико только одно: смириться, низложить гордость, которая мешает любить» [2, 221].

В своих статьях о. Софроний развивает эту мысль: «Смертоносное оружие врага — гордость; диаметрально противоположное ему — живоносное смирение Христа. За стяжение сего Божественного смирения подвизаемся мы; оно дано нам Христом, ниспославшим на Землю Духа Святого. Это есть святое семя, брошенное с небес в наш план; открывшие ему свое сердце испытывают некое Божественное вдохновение — стать подобным Безначальному Отцу, через уподобление Его Единородному Сыну. В благородном подвиге за любовь» [9, 26].

И это дается совсем нелегко, а постепенно и с великим напряжением и заботой как прожить день и ночь без греха. Монах должен научиться не соблазняться ничем, не принимать помыслов и греховых движений, это великое умение приобретается подвигом жизни. Он не сразу, но все же, переходит в область не-

бесных переживаний. Его сердце становится мягким и чутким, то есть новозаветным. «И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам; и возьму из плоти вашей сердце каменное, и дам вам сердце плотяное» (Иез. 36, 26).

Интересное сравнение предлагает о. Софроний: «Монашеская жизнь – это есть напряжение предельное человеческих сил и внимания. Однако, снаружи монахов можно употребить проводам электричества высокого напряжения, на которые могут маленькие птицы садиться сверху и сидеть спокойно, тогда, как по этим проводам течет энергия, которая движет поезда, освещает дома, все согревает, – вся жизнь движется только ею» [9, 224]. Он называет монастырь великим даром от Бога, «трамплином» в Царство Божие. Старец Силуан говорил, что ад, и рай начинаются отсюда, свой духовный дом мы строим уже, здесь на земле. Мы должны понимать с чего начинать и чем заканчивать.

На монашеском пути о. Софроний видит различные периоды жизни подвижника, выражение их в определенной внешней форме, что следует учению святых отцов. «В более широком опыте Церкви мы видим традицию трех степеней монашества: первая – рясофор, т. е. рясоношение без произношения обетов; вторая – малая схима, то есть мантия; и третья – великкая схима. Эти три ступени монашеского состояния находятся в соответствии с тремя отречениями, о которых говорят святые отцы, и особенно Авва Пафнутий в книге преп. Кассиана Римлянина, и преп.

Иоанн Лествичник» [8, 123]. Этим показывается динамика постепенного возрастания в духовном познании. Монашеские обеты добровольны, они есть действие и стремление нашего духа почтить Бога и отдать Ему свою жизнь, путем самоотвержения идти к цели высшего нравственного совершенства.

Отец Софроний считает великим благословением знать конечную цель как путеводную звезду и указывает ее как направление, и при этом «непременно надо рассчитать жизнь так, чтобы все было по силам» [2, 285]. Монах подвижник осознавший истинные цели своей жизни будет жить со страхом и трепетом видя высоту замысла Божьего о идеале человека.

«История подвижничества знает, как великий подвижник девятнадцатого века Парфений Киевский, восприняв последнюю степень монашества – великую схиму, в молитве спросил Божию Матерь: «Что же значит великая схима?» И получил ответ: «Великая схима есть молитва за весь мир», по слову Богоматери. И этот период великой схимы есть последний в жизни монаха. Это третий период, когда снова приходит первая благодать в ее совершенной форме – как молитва за всего Адама. И сие является концом жизни аскета» [3, 235]. Примером этому нам служит преп. Силуан Афонский в его молитве за всего Адама.

О покаянии

Нужно сказать, что духовная жизнь целостна, потому сложно говорить об отдельных моментах ее

проявления, из-за боязни дробления, что может привести к искажению всей картины.

Все труды архим. Софрония, а особенно его книга «Видеть Бога как Он есть», которая есть духовная исповедь—откровение, пропитаны духом покаяния. «Откуда начну плакати окаянного моего жития деяний? Кое ли положу начало, Христе нынешнему рыданию? Но, яко благоутробен дажь ми прегрешений оставление», «Не отврати лица Твоего от отрока твоего, яко скорблю» — есть лейтмотив всей его почти семидесятилетней монашеской жизни. Да и все труды святых отцов сводятся к одному: «Отче! я согрешил против неба и пред Тобою» (Лк. 15, 18).

Удивительна и невероятно ценна его искренность, так как о таком предмете, как личные отношения с Богом, говорить чрезвычайно сложно. И особенно сложно говорить, и писать о высоких предметах и откровениях «в которых есть нечто неудобовразумительное» (2 Петр. 3, 16), так как это может смутить при непонимании. Но так было всегда во все времена — «Многие из учеников Его, слыша то, говорили: какие странные слова! Кто может это слушать» (Ин. 6, 60).

Мы видим в истории примеры когда смущались духовными откровениями подвижников, смущались писаниями преподобного Симеона Нового Богослова и святителя Григория Паламы. И отец Софроний не без страха пишет о своем опыте жизни с Богом, стараясь услышать мнение и авторитетных отцов и афонского сообщества. Дерзости в его словах не чувствует-

ся. Открытость и искренность, деликатность и умение найти нужное слово в свидетельстве о сокровенных моментах в жизни во Христе, ему свойственна глубина мысли и удивительно благостное и трогательное настроение чуткого сердца.

Архимандрит Софоний пережил в своей жизни отпадение от веры в Живого Бога, Которого он знал с детства благодаря своей благочестивой матери. «Ребенком я был научен молиться Бессмертному Отцу Небесному, к Которому ушли все мои деды и прадеды». «Живого Бога я познал с самого раннего детства». С детства он видел и чувствовал действие благодати, но в молодости по гордости ума увлекся ложными идеями и практиками. «В начале зрелой юности я отступил от Бога моего. Преступлений, наказуемых государством, я не совершил, но чрез мой ум, через мое сердце свободно проходили всякие гады, всех планов и родов» [1, 41]. Не понимая, как, каким образом, в юношеском безумии, он упорно занимается медитацией в течение почти восьми лет. В 1924 году в Париже Все-милостивый Бог призывает его к Себе: «Его нежная, но могущественная рука уловила меня». С этого времени начинается процесс глубочайшего покаяния, и оно не оставляет его до конца жизни. Опыт огненного покаяния о. Софрония сродни опыта великих святых, старец Софоний изложил его на удивление предельно ясно и последовательно.

«Покаяние есть бесценный дар человечеству. Покаяние есть чудо Божие, воссоздающее нас после

падения». Без посещения Божия его нет, Господь открывает Себя Сам. Отец Софроний называет это бытийным познанием Синайского Откровения: «АЗ ЕСМЬ СУЩИЙ» (Исх. 3, 14). «БЫТИЕ — это Я, Бог, Абсолютный Владыка всех звездных миров — ПЕРСОНАЛЬНЫЙ — АЗ ЕСМЬ». Зов евангельского слова: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4, 17) осуществим «не иначе, как чрез слияние нашего огненного желания с воздействием небесного Огня, который смягчит наше сердце, и уже смягченное, оно перековывается ударами мощного молота» [1, 37].

Вот что пишет о. Софроний, переживший благодать покаяния: «Мною овладел некий священный ужас от сознания, что я, неверный и отступник, останусь навсегда недостойным ТАКОГО БОГА». «И я предался отчаянному плачу, горькому, жгучему, осознав ужас моего падения: Господь даровал мне благодатное отчаяние. И когда я оплакивал себя глубоким плачем, не смея возвести мысли мои к Нему, Он явился мне во Свете Своем. Так положил Он начало моей новой жизни, породив меня в слезах покаяния» [1, 37].

В статье «О покаянии» о. Софроний пишет: «Видение бесконечной святости смиренного Бога-Христа доводит сознание и чувство живущего и действующего в нас греха до такой степени, что человек положительно весь, всем своим существом сжимается в великом порыве к Богу и в сильном отвращении от своего зла погружается в плач. Желание души уподобиться Богу в святом смирении становится тогда подобно

жажде. Особая духовная печаль от сознания своей мерзости сильно томит тогда душу. В этой томительной печали о святости есть уже начаток самой святости, и потому отцы называют ее святой печалью, и, полюбив ее за святость, они дорожат ею и хранят ее». И далее: «Когда человек плачет всем своим существом от сознания своей неправды, своей вины и испытываемого глубокого стыда за себя и острого сознания себя лишенным того света и той жизни, которую ему дано было узреть, тогда от той ни с чем не сравнимой печали рождается энергия устремления к Богу, соответственная силе печали, силе страдания, которая может достигнуть такой меры, что действительно вырывает человека из мира сего, так что поистине забывает человек весь мир и бывает в таком состоянии, что не знает – “в теле или вне тела” был он» [8, 182].

Отец Софроний мыслит покаяние не только из своего опыта, а исходя из всего огромного опыта Церкви, который передавался из века в век. Он твердо утверждал, что покаяние самый верный и единственный путь и иного пути ко спасению нет. Этот путь истекает из глубокого и подлинного осознания своей личной вины и ответственности. И не просто осознания падения и испорченности, это может быть и вне христианства, а именно из сознания свободной, вечной и разумной личности причастной и ответственной за судьбы мира. Судьбы вселенной напрямую связаны с человеком.

«И даны были жене два крыла большого орла, чтобы она летела в пустыню в свое место от лица змия и там питалась в продолжение времени, времен и полвремени» (Откр. 12, 14). Церковь подобно Израилю подвергается испытанию пустыни, где верные питаются сокровенной пищей — манной небесной. Апостол Павел получил Небесных тайн откровение в слезном покаянии Аравийской пустыни, а преп. Мария Египетская служит нам удивительным образом покаяния, который Церковь предлагает нам Великим постом, ведь ее житие читается с амвона, показывая нам несомненный покаянный путь ко спасению.

Пустыня образ чистоты и тишины душевной, это область бесстрастия, то есть победы над грехом в болезненном огне покаяния. Перемена сердца и ума, изменение состояния души. В эту область Церковь ведет нас для истинного обладания Богопознания, только и только внутреннее христианство ведет нас к Богу. Так на основание всего опыта Церкви мыслил отец Софроний, делая акцент не на внешнее устройство дисциплины, а на состояние души человека, брата то или сестры.

В своих братских наставлениях, в переписке с Давидом Бальфуром, человеком западного христианского воспитания, интеллектуально развитого и мыслящего, о. Софроний настойчиво отмечает: «Поверьте, дорогой батюшка отец Давид, хотя я и невежда, что путь к созерцанию и любви Божественной есть только один — покаяние (оно состоит в страхе Божием, раска-

янии во своих грехах и посильном стремлении не оскорблять Бога повторением грехов, в которых каемся); опять скажу: "Бога бойся и заповеди Его храни" (Еккл. 12, 13)» [7, 167].

Отец Софроний указывает законный путь: «Покаяние должно быть началом нашей духовной жизни; оно красной нитью должно проходить через всю нашу жизнь до гроба. А если Богу угодно будет восхитить человека к созерцанию, то это всецело дело Его усмотрения и благоволения к кающемуся; мы же об этом никакой даже мысли не должны иметь, ни желания, потому что самое это наше желание, по слову преподобного Исаака Сирина, есть первое препятствие к созерцанию. Теперь очень часто говорят о богосъиновстве, но мало говорят о пути к нему. А путь — покаяние. Нигде так ясно не познает душа наша Бога как Отца, как в покаянии. Кающегося Бог принимает как блудного сына и радуется о нем, что мертв был и ожил, погибший был и нашелся» [2, 168].

В беседе с братией Свято-Иоанно-Предтеченского монастыря о. Софроний говорит: «Мы знаем из чтений житий святых, из их поучений и писаний, что никто из них не прошел свой путь без временных отступлений, падений и скольжений во грех. Все без исключения спасались покаянием» [3, 84]. Как созвучно это с учением святых отцов, которое дает нам святитель Игнатий (Брянчанинов), также шедший этим самым путем: «Блаженна душа, которая осознала себя вполне недостойным Бога, которая осудила себя, как

окаянную и грешную! Она — на пути спасения; в ней нет самообольщения». «Чувство плача и покаяния — едино на потребу душе, приступивший к Господу с намерением получить от Него прощение грехов своих. Это — благая часть! Если ты избрал ее, то да не отымется она от тебя!».

Скорбь о грехах своих, сокрушение сердца, и, наконец, радостворный плач — всегда и везде православные подвижники крайне ценили это состояние души, берегли и любили его. «Парадоксальное явление: покаяние — по ощущению своему есть болезнь, болезненное сожаление о том, каковыми мы являемся и проявляем себя на каждый день. Чем болезненнее оно становится, тем больше действует оно в перерождении нашем в «нового человека» (Кол. 3, 10) и в возвращении к совершенному образу создавшего нас Бога. И хотя это есть болезненное ощущение, но оно как-то странно удовлетворяет покаянный дух грешника, и мы начинаем любить это состояние покаяния». «Наша реакция на всякое явление в жизни должна быть той, которая предписана нам заповедью. Стать человеком, реакции которого подобны реакции Бога, — вот цель нашего подвига». «Мы все время идем путем обвинения нас самих, и если в нас обнаружится место, то Бог Сам спустится в наши “подвал”, темный подвал (не говорю “этаж”, а “подвал”), и возносит нас к Себе. И когда Он спускается в наши “подвал”, то странным образом Его присутствие делает все блаженным Царством Отца» [1, 58].

Покаяние различно, и Господь по-разному винимает ему и помогает человеку. Одно дело, когда нечестивый только познал, что он великий грешник, и другое, когда благочестивый не осознает всю глубину своей испорченности грехом, успокаиваясь своей «праведностью», когда покаяние охлаждается, становится формальным. Греческая культура понимает покаяние (метанойя или метания) как сожаление и перемена сознания, изменение ума, образа мышления. Русская как болезненное исправление, усилие, боль сердечная, потуга, сильное желание исправить и даже искупить, сделать по правде.

И, конечно, отец Софроний свои мысли, свое учение о покаянии подводит к самому сокровенному — к плачу, к истинному плачу по Богу. Сам делатель и носитель сей добродетели, он открывает ее современникам, называя сей плач — плачем духовным. «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5, 4).

«Вот, вижу сердце мое в борьбе: как буду говорить о святом плаче моим современникам? Знаю, что они сочтут стыдом плакать, о чем бы то ни было. Да, действительно, стыдно плакать, но это только тогда, когда речь идет о вещах преходящих: о карьере, об имуществе, о привилегиях, или социальном положении, или о здоровье и подобном сему. Но плачь, о котором предстоит нам слово, касается наших отношений с Вечным Богом: он, плач сей, принадлежит иному плану бытия. Он вызывается прикосновением к нам Духа Божия». «Таким плачем плакали Апосто-

лы и наши Отцы, воспринявшие небесное благословение». «Духовный плач по природе своей совсем иной, чем плач душевный. Он связан с непрерывной мыслью о Боге в болезненной печали разлуки с Ним». «Духовный плач — явление небесного порядка». И очень важное замечание: «Наивен тот, кто думает, что путь вслед Христу возможно пройти без слез» [1, 59]. Такой плач и слезы для подвижника веры становятся желанными: «Агнче Божий, взем грехи мира, возьми бремя тяжкое от меня греховное и, яко благоутробен, дажь ми слезы умиления».

В плаче стяжается благодать, плачем и сохраняется, плачем обновляется человеческое естество, и этот плач, может быть, различен. «Духовный плач меняет свой характер в зависимости от того состояния, в котором он — аскет — пребывает: бывают сладостные слезы от близости Бога Любви, объемлющего всего человека. Чаще же средний плач, в котором смешаны радость и печаль. В начале покаяния преобладают горестные слезы, порождаемые или сознанием своего рабства греховным страсти, или умалением ощутимой благодати, или горечью богооставленности. Возможен плач сострадания человечеству и даже всей твари». Отец Софроний сам пережил многое в состоянии плача, и это придает силу его словам: «Сначала я плакал за самого себя в ужасе от моего падения. Позднее — за людей, не знающих Бога, охваченный состраданием к ним, в их бедственном состоянии неведения Бога. На Афоне

же и, особенно, в пустыне во время войны (Второй) я горько рыдал за мир в целом» [1, 59].

Важно отметить, что плач является неким индикатором нашего молитвенного состояния. «Отсутствие плача, по учению Отцов наших, есть показатель, что молитва наша еще не достигла своей первой ступени восхищения к Богу». И это и есть уже истинная духовная жизнь, о которой пишет о. Софроний: «Ум плачущего христианина всецело направлен в сферу Божественной вечности. Ибо только о сей последней говорится в заповедях Христа. Множество положений, несносных для живущих банальной жизнью мира сего, для плачущего согласно с заповедью Бога проходят незамеченными: его не устрашает бедность, его не низлагают оскорблении или унижения со стороны сынов века сего, ни иные удары временной судьбы; ибо не только ум, но и ноги его высоко подняты над землей. Он сострадает людям, печалится за них пред Богом, но не разделяет их интересов, будучи вдохновлен в своем стремлении к непреложной Истине» [1, 64].

Преподобный Силуан Афонский в записках, переданных старцу Софронию, пишет: «В добром Бог помогает, а в худом — враги, но зависит это и от нашей воли; надо себя понуждать на добро, но умеренно, и знать свою меру. Надо изучить свою душу, что ей полезно: одному больше молиться, другому — читать или писать. И читать полезно, но лучшее нерассеянно молиться, а еще дороже плач, — кому что дает Господь» [10, 396].

Мысли святых отцов, выраженные классическим высказыванием прп. Пимена Великого: «Плачьте! Другого пути, кроме плача, нет», ставят учение о плаче в основу всей духовной жизни: «Все жительство монаха — плач». Этот плач старцы Силуан и Софоний называют Адамовым плачем: «Помилуй мя, Боже, падшее создание Твое».

Монашество прежде всего, это покаяние, а монастырь самое удобное место для него, и в тоже время без болезненного плачущегося сердца и твердого желания искупить свои грехи в монастыре нельзя жить. «Умру здесь за грехи мои», — так мыслил прп. Силуан Афонский, в этом же духе жил и о. Софоний, его ученик.

О Священном Предании

Тема Священного Предания имеет важнейшее значение в учении о монашестве, т. к. одна из главных задач монашества в исторической миссии Церкви как раз и есть усвоение и сохранение Священного Предания, а также передача его другим поколениям. Монах сам становится носителем предания и светочем для мира (Мф. 5, 14-20) и архимандрит Софоний (Сахаров) яркий и ближайший по времени пример тому. Восприятие Предания, то есть истинное воцерковление, не просто, оно требует серьезной работы над собой и очень внимательного отношения к различным ее формам. Человек должен все существом полюбить Церковь.

Милостью Создателя подвижник жаждущий познать сокровища Церкви получает такую возможность. Отец Софроний, промыслом Божиим, оказался в настоящей кладовой Церкви, на Святой Горе. «Сегодня моя мысль обращается к тому, чтобы указать и утвердить в вашем сознании ту золотую традицию, которую дал Бог мне узнать на Афоне. Я попал в монастырь в такой период, когда там были люди величественного духа. И это есть предание жизни. То, что совершил Господь в историческое время, когда Он был на Земле, остается живым и полным энергии на все века: "Небо и земля прейдут, слова же Мои не прейдут" (Мф. 24, 35) — и не только слова, но и Его примеры» [2, 272].

Монастыри должны порождать монахов, их можно сравнить с пчелиным ульем. Современный нам святой, старец Паисий Святогорец говорил владыке Иерофею (Влахосу): «На нас лежит ответственность научить новое поколение истинному монашеству».

Апостол Павел, который так дорог и близок сердцу о. Софрония, переживший в огненном покаянии небесных тайн откровения, в своих наставлениях своему чаду Тимофею пишет: «Что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить» (2 Тим. 2, 2).

О том же просит своих учеников старец Софроний: «Так и я, простите, многое написал в книге «Видеть Бога как Он есть». Моей идеей было дать ей название «Опыт одного православного монаха», но отец N. настоял — «Видеть Бога как Он есть». На мне лежит

долг — сказать вам то, что мне было дано, независимо от того, так ли вы относитесь к моему слову, как я отношусь к слову святого Силуана, или нет. Я предал себя на суд всех. И вот вам, как наследникам моим, я предлагаю задачу: после моего ухода найдите путь рас- толковать, что ни в одном моем слове не было некоего ложного движения. То есть, несмотря на совершенно новую форму, которую нигде в прошлом не находим мы, эта книга полна предания православного» [2, 42].

Учение о Священном Предании архим. Софрония повлияло на современное доктринальское богословие и вошло в церковные учебники. Вот что пишет о. Олег Давыденков: «Некий переворот во взглядах на соотношение Писания и Предания начинается с середины двадцатого столетия во многом благодаря работам архимандрита Софрония (Сахарова), ученика преподобного старца Силуана Афонского. Архимандрит Софроний при этом не излагал свое учение, а излагал взгляд на вопрос о соотношении Писания и Предания самого преподобного Силуана». Архимандрит Софроний пишет, что «предание объемлет собою всю жизнь Церкви настолько, что и самое Священное Писание является лишь одной из форм его».

И форма эта весьма важная, находится она внутри жизни Церкви и принадлежит она только Ей. Предание — живое, оно непрерывное и неизменное действие Духа Святого в Церкви и глубокая основа ее бытия. Оно «служение Духа, написанное не чернилами, но Духом Бога живаго» (2 Кор. 3, 3-8).

«Непоколебимая вера в истинность учения соборной Церкви в его целом и глубокое доверие всему, что приняла и утвердила она в своем опыте, лежащие в основе жизни афонского монаха, спасают его от безтрадиционального дилетантизма и робких исканий. Такое вхождение верою в жизнь вселенской Церкви делает монаха сообладателем ее безмерных богатств и сразу придает его личному опыту категорический характер достоверности.

При изучении Священного Писания, творений святых отцов и неисчерпаемых по своему догматическому и молитвенному содержанию сокровищ литургических книг монах встречается с невыразимо великим богатством, и потому у него не является расположением писать и самому о том же, не внося чего-либо существенного нового. Но когда в жизни Церкви является действительная нужда, тогда напишутся новые книги.

Каждая новая книга, имеющая притязание включиться в учение Церкви или выразить его, подвергается суду Церкви, которая медлительно, но все проверяет и испытывает со всех сторон, и прежде всего, со стороны влияния учения на жизнь. Этот критерий, т. е. влияние учения на жизнь, имеет чрезвычайно важное значение в силу теснейшей связи догматического сознания и жизни, и все, что окажется противоречащим или несоответствующим духу Христовой любви, которой живет Церковь, она отвергает» [10, 97-98].

Отец Софроний, говоря о различных формах Предания, прекрасно чувствует и понимает их, он иконописец, гимнограф, знаток Священного Писания, трудов святых отцов и богослужения. Вот как он восхищается Триодью Постной и всеми установлениями поста: *«В гениальном создании годового круга богослужений этот Пост занимает исключительное место. Службы Великого поста, куда в значительной мере входят тексты из Ветхого Завета, являются учением, выраженным часто с невероятно высоким даром поэзии. Для примера приведу ирмосы канона: «Помощник и Покровитель бысть мне во спасение, сей мой Бог, и прославлю Его, Бог Отца моего и вознесу Его, славно бо прославися». Вдохновляющие слова, заключающий в себе великий смысл — то, что мы называем Преданием»* [4, 140].

Для него Церковь, догмат и аскетика — единая жизнь. В традиции отцов не принято было давать советы о том, чего сам подвижник не испытал и не пережил. Знания — подразумевают познание, и все то, о чем дает наставления отец Софроний, имеет вес, т. к. он выносит это из своего личного опыта, из глубины своего сердца.

В письме о. Давиду Бальфуру он предлагает ему книги для молитвенного настроя: «Добротолюбие» (перевод св. Феофана Затворника), преподобных Исаака Сирина и Петра Дамаскина, преп. Симеона Нового Богослова, сочинения св. Игнатия Брянчанинова и св. Феофана Затворника, старца Паисия Величковского,

«Откровенные рассказы странника» — «в этих кни-
гах Вы найдете бесконечное, неисчерпаемое богатство.
Чтение их доставляет душе неизъяснимое наслажде-
ние. Написаны по вдохновению Святого Духа, они при
одном чтении их освящают ум. Помучайтесь, потру-
дитесь, поскорбите, помолитесь, поплачьте о своей
душе, читая их» [7, 176].

С великим благоговением старец Софроний от-
носится к уставам и традициям отцов как к святому
наследию, как к необходимому воспитанию падшей
души. «Закон свят» (Рим. 3, 19), он дан Богом после па-
дения. Но, есть то, что выше всякой формы — это дух
любви, это свобода во Христе. «Всякая внешняя форма
ниже замысла Божия о человеке. Отцы, основополож-
ники монашества, вели своих учеников к совершенству
через уставы и формы, никогда не упуская из виду, что
«суббота для человека, а не человек для субботы» (Мк.
2, 27-28). Сказанное о субботе относится ко всякому
рода учреждениям, уставам и подобным им внешним
формам организации, особенно когда они абсолютизи-
руются в сознании людей» [9, 53].

Подвижник воспринявший Предание вполне
может усвоить свое собственное духовное делание и
этот вопрос весьма важный. Каждый уже зрелый ду-
ховный муж, по внушению Духа Святого, имеет свое
личное духовное делание. У одного — непрестанное
чтение Священного Писания, у другого — Иисусова
молитва, третий прочитывает за день всю псалтырь,
четвертый ежедневно служит Литургию. Вот поэтому

существуют различные духовные школы, что и есть единство в многообразии даров Святого Духа по апостолу Павлу (см.: 1 Кор. 12, 4-6).

Превосходно зная формы Предания, отец Софроний дорожит ими, бережно как к сокровищам относится к установлениям Церкви и святых отцов, но все-таки выше всего ставит любовь. А, для этого, для того, чтобы так рассуждать сначала нужно самому ее стяжать, истинную христианскую любовь. Любовь не оправдывает, она берет грех или немощь брата на себя, именно духовная любовь чувствуется в его словах, в его писаниях.

Мы подошли к самому сокровенному и мистическому в Священном Предании, к бытийному восприятию благодати Духа Святого, к силе, которая открывает путь к познанию Божественной истины. Важнейшую роль в этом является живая личность — носитель сей благодати. «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?» (1 Кор. 3, 16).

И о. Софроний пишет о таких носителях живого предания как о свидетелях Истины: «Соны Отцов (учителей и аскетов), которые передали из поколения в поколение прежде всего “дух самой жизни”, скрепив его нередко своими писаниями. Мы верим, что в каждый данный исторический момент в Церкви наличествуют живые свидетели; что до конца дней мира сего не утеряется человечеством подлинное БОГОВЕДЕНИЕ» [9, 53].

Классическим и ярким примером тому может быть тот случай благодатного общения в Духе Святом, который был между преподобным Серафимом Саровским и Н. А. Мотовиловым.

О послушании и старчестве

«Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их. Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13, 7).

Отец Софроний — наставник послушания, высказываясь о великой культуре послушания, он всякий раз пытается раскрыть существенные положения о смысле и результатах этой добродетели. Он понимает всю сложность этой темы, т. к. современный человек почти не способен к восприятию хоть в малой мере этой священной тайны. Послушание — есть тайна Святой Троицы, сокровенная жизнь Церкви, открываемая только Духом Святым. «Кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, сестра, и мать» (Мф. 12,50).

Этот призыв усвоили святые апостолы, ученики и послушники Господа, продолжая дело великого Насставника, проповедовали, что в Церкви, прежде всего, должно быть согласие, послушание, единство воли, единство понимания и действия. Внутренний раздор, несогласие разрушают нас самих, каждого, заражая все во круг и разливая вражду. С древнейших времен вся вековая история христианства, тем более монашества,

научает нас послушанию, а оно, по выражению святых отцов, важнее поста и молитвы. Без него в душе человека не рождается мир, и разум и сердце не услышат волю Божию.

Послушание — основа монашества, давшего священные обеты Богу и Церкви, и говорить об этом подвиге крайне необходимо, особенно в монашеской среде, тем более, что культура послушания почти потеряна в своих лучших и совершенных формах. «Горе от ума», безумное доверие своему «Я», своему интеллекту, своему падшему разуму, закрывает великое сокровище и оставляет современного человека в мучениях слепого эгоизма.

«Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщены, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие благочестия, силы же его отрекшиеся... А ты последовал мне и пребывай в том, чему научен, и что тебе вверено, зная, кем ты научен» (2 Тим. 3), — вдохновенно пишет великий Павел своему чаду Тимофею. Только невыразимая тоска по Небу может сегодня подвигнуть человека встать на путь следования за Христом, совершенным Послушником, Который «был послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Флп. 2, 8).

«Жажды снова обрести полному утерянного единения с Богом толкает на подвиг, который, как уже человеческое действие, становится аскетической “наукой”, “искусством”, “культурой”. В наше время сия культура для многих стала забытой, непонятной, отвергнутую» [8, 174]. Понимая это, о. Софроний покидает для восприятия сей великой культуры интеллектуальный Париж, он целует землю Святой Горы Афон, землю святых отцов, удела Божий Матери: «По прибытию на Афон я поцеловал землю и сказал: “Все, чему меня будут учить отцы, я приемлю. Я оставляю свой ум в положении воспринимающего и никак не судьи”» [2, 70]. И как мы знаем, он не обманулся в своих надеждах и упованиях, передав и нам накопленные сокровища.

«Как и всякая великая культура, послушание имеет много степеней, в зависимости от духовного возраста человека. Вначале оно может носить характер почти пассивного склонения воли перед отцом духовным в силу доверия к нему ради лучшего познания Божественной воли. В своей более совершенной форме – это есть активная деятельность нашего духа, стремление следовать заповедям Христа, безумно возлюбившего мир. Установка преуспевающего послушника характеризуется тем, что он напрягает свое внимание и свою волю, чтобы возможно глубже воспринять мысль и волю другого лица и затем в акте духовной любви осуществить воспринятую идею или волю брата. Через подобный акт послушания расширяется сердце послушника, обогащается ум, новая жизнь приходит в

его душу» [8, 174]. Начинается школа любви через восприятие всякого человека как образа Божия, о чем и пишет апостол Иоанн Богослов (1 Ин. 4, 20-21).

В монастыре мы всего себя приносим в жертву, и, в первую очередь, свою волю, свои желания, свои мнения, свои представления, свои взгляды, что является самым трудным. *«Мучителен подвиг послушания брату, но он развивает в нас способность к быстрому и тонкому проникновению в духовное состояние все возрастающего числа людей; лучшие сего — утонченное сердце становиться восприимчивым к тонкому голосу Бога внутри нас, к узрению воли Его»* [8, 175].

Поэтому, отец Софроний так высоко ценит общецелительное монашество, в котором послушник, находясь в среде братии, сопереживая, научается проживать различные состояния как свои собственные. *«И таким образом в душе делателя послушания развивается сострадание всему человечеству, и молитва его постепенно принимает космический характер, становится носящею всего Адама, то есть ипостасною, по образу все объявившей в себе молитвы Христа в Гефсимании»* [8, 177].

Этот путь труден и начинается с маленьких действий, с отсечения своей воли, которые как шаги в темную неизвестность, как отказ от своей личности, как некоторое рабство, но отец Софроний настаивает на нем, призывает к нему: *«Быть послушником — это великий дар свыше, который мы должны усвоить. Каждый из нас должен думать, что он совершает грех, если*

на просьбу брата отвечает отталкиванием. Пусть самая первая реакция будет следствием нашего постоянного состояния готовности предпочесть волю брата нашего, а не свою. Таким путем мы придем к тому, чтобы вырваться из узких рамок эгоистического состояния падения нашего. И подвиг этот для многих может быть тяжел» [3, 77]. По слову преподобного Иоанна Лествичника, «послушник будет стоять одесную Иисуса Распятого». И только так познается жертвенная крестная любовь вдохновение Святого Духа, радость о Боге (Лк. 1, 46,47; Ин. 15, 13).

Да, невероятно тяжел и даже страшен этот подвиг, особенно для современного человека, и, зная это, о. Софроний находит слова вдохновения, называя этот путь великой привилегией и наслаждением.

«Почему я говорю вам: “наслаждаясь”? — Простите меня, но мне Бог дал это наслаждение в начале моей монашеской жизни. Я с благоговением мыслил и в молитвах моих поминал игумена и тех, кто с ним сотрудничал, — все они заботились и жизни всего монастыря, но мой ум был совершенно свободен от житейских забот: их забота дала мне возможность быть беззаботным в плане земли» [3, 76]. Отказавшись от своей страстной воли, послушник взамен получает внутреннюю свободу и мир души.

От простых форм уклада общечерковной жизни мы подошли в изложении учения о. Софрония к важнейшему моменту послушания, к взаимоотношениям

между духовным отцом и чадом, между старцем и послушником.

«Послушника можно сравнить с орлом, который на сильных крыльях подымается в высоту и спокойно смотрит на отделяющее его от земли пространство, чувствуя свою безопасность, свое господство над высотой, которая для других и недоступна и смертельно страшна. С доверием, с готовностью, с любовью, с радостью отдавая свою волю и всякий суд над собой духовному отцу, послушник тем самым совлекается тяжелого груза земной заботы и познает то, чему невозможно определить цены — ЧИСТОТУ УМА В БОГЕ.

Монашество, прежде всего, есть — чистота ума. Без послушания невозможно достигнуть ее, и потому без послушания нет монашества. Непослушник — не монах в подлинном смысле этого звания. Вне монашества возможны достижения великих дарований Божиих, вплоть до мученического совершенства, но чистота ума есть особый дар монашеству, неведомый на иных путях, и познает монах это состояние не иначе, как через подвиг послушания» [8, 136].

Отношения старца и послушника — это священный союз, это творческое сотрудничество, это религиозный акт, это единство духа. «Ибо, хотя у вас много наставников во Христе, но не много отцов» (1 Кор. 4,15). И такое послушание, послушание как таинство, не только было когда-то, но оно возможно и в наши дни. «Просите, и дано будет вам, ищите, и найдете, стучите, и отворят вам» (Мф. 7, 7).

Старец научает послушника подлинной христианской свободе, для этого через подвиг послушания помогает преодолеть страсть любоначалия и властолюбия. Старец воспитывает в нем чуткость и внимание. Послушник добровольно учится творить волю Божию, искать ее, никак не доверять себе, учится ходить путями живой веры. Цель такого послушания — стяжание Духа Святого и божественная любовь. «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня» (Ин. 14, 21).

Послушник должен любить старца как должен любить Самого Христа. Дух послушливоости это не просто некая внешняя послушность, это означает уловить тональность жизни, любое движение воли своего любимого духовного отца и старца, и много слов тут не нужно. Кроме этого сама жизнь старца, его состояние, содержание души и даже духовные дарования переходят, как бы переливаются в душу истинного и внимательного послушника. Добрый послушник внутренне соединяется со старцем. Послушание — это состояние уподобления и воплощение в жизни Слова Божьего и тут конечно нужно вспомнить о благословенном послушании Божией Матери: «Се раба Господня, да будет Мне по слову твоему» (Лк. 1, 38).

Отец Софроний твердо держится этих положений и отстаивает их. «Я хочу говорить о целостности духовной жизни, принципы которой с первых моментов христианского существования остаются незыблемыми и непоколебимы». «Так я слышал идею, что

в наше время нет старцев, что Господь перестал давать их Церкви. А путь старчества касается великой науки о вечности — науке о послушании... Бесподобное по жестокости гонение разрушило культуру в России: культуру аскетическую и культуру богословскую. Три поколения были лишены всякой возможности воспитываться в Церкви. И теперь появилась странная идея, что Господь в наше время не дает старцев, что каждый из нас должен читать и строить по своему разуму свое спасение и даже жизнь Церкви. При этом они ссылаются на святого епископа Игнатия Брянчанинова. Это особый случай в церковной жизни. Сам Брянчанинов, будучи аристократом, двадцати шести лет был уже игумен, когда он всего два года был послушником. Несомненно, это был благодатный муж. Однако, как аристократ, он учился не у «мужиков», а читая отцов-аскетов» [2, 272, 274].

Необходимо отметить, что старчество в России, в эту эпоху, имеет свою особенность. Старчество в России обращено к сердцу и душе всего народа, к его соборной сущности, и часто даже более направлено на простой русский народ, из-за особого промысла Божия над Россией. Святитель Игнатий же молитвенно углубился в труды древних святых отцов, и сам в конце своей жизни признавался в письме к игумену Антонию: «Вы правду говорите, что в юности моей не нашел старца, который бы удовлетворил меня, но это можно еще приписать и тому, что я не искал, как должно, не умел искать, не имел достаточных средств на то».

Опытные духовные наставники во все времена были редки, многими слезами и молитвами обретались они жаждущими душами. Есть разный уровень отношений: духовник, духовный отец и старец и Господь дает их по возрасту и потребности души. Сущность подвига одна, сила же его различна. И нам нужно обязательно отметить, что это есть очень важный момент в православном учении, и особенно в учении о монашестве. Отец Софроний не раз, так или иначе, отмечает его, приводя различные примеры и аргументы. Главный, из них — его личная встреча и жизнь с преподобным старцем Силуаном.

Действительно в настоящее время можно встретиться с мнением, что в современности уже нет наставников и руководителей, нет духовников, и думать об этом не надо. Поэтому спасаться и строить церковную, монашескую жизнь можно и нужно только по книгам. Но ведь, по меньшей мере — это наивно, и может приводить к крайности отрицания необходимости старчества, так же, как и есть другая известная и опасная крайность — лжестарчество. Отец Софроний же убежденно и твердо держится традиционного православного царского (срединного) пути.

Вот какие наставления дает о. Софроний Давиду Бальфуру, чудесно обращенному в православие по молитве старца Силуана: «Прежде всего, должно утвердиться верою к нему (если нашелся руководитель опытно познавший духовную жизнь) и через веру эту стать неудобопреклонным к соблазну; подчиняться

ему, не гнать, не торопить, не требовать, относиться к нему с преданностью, любовью, без восторженности, просто. Руководимый должен быть прост, доверчив, послушлив, непытлив. Мы, по крайней мере, так жили и живем. Когда нам отец игумен или духовник что-либо скажут, то не испытываем, почему он так сказал, а просто “слагаем в сердце глаголы их” (Лк. 2, 19; 51).

Мы знаем, что они говорят трояко — иногда по благодати по предвидению (это в случаях наиболее важных), иногда по опыту (большей частью), иногда ради утешения в скорби или наставления и вразумления. Доверчивый и послушливый всегда от них получит пользу (во всех указанных случаях). При ином же отношении и устроении ни в одном из сих случаев человек не получит пользы, потому что рано или поздно преткнется (соглашается, разочаруется и тому подобное)» [7, 105].

«Старец нужен вот для чего:

1) отсекать в послушнике-ученике всякое проявление личной греховной — плотской воли, направляя ее согласно с волей Божией;

2) окормлением (то есть наставлениями) возводить ученика от низших ступеней на более высокие. Давать ему делания, соответствующие его духовному возрасту и силам.

Первое заменяется для Вас — через отсечение своей воли пред владыкою и сбратиями по монастырю. Второе — чтением святоотеческих творений аскетических (прп. Иоанна Лествичника, аввы Дорофея,

Варсанофия и Иоанна, и других, уже имеющихся у Вас). Но это не может заменить вполне старца (идеального, совершенного), которого, однако, всегда и во все времена было нелегко найти. Кроме того, современные послушники (самочинные, самонадеянные, умные, нетерпеливые, несмиренные, всезнающие) не способны жить под старцем (настоящим)» [7, 287].

Найти своего старца, соединиться с ним в духе и получить благословение есть величайший Божий дар, и если Господь открывает таковой и призывает нас, мы не можем отказаться от совершенного пути нам предложенного. «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13, 8).

Старцы передавали или показывали своим чадам, кто мог вместить, страх Божий, чувство вечности, память смертную, сердечную молитву, разумение Писаний, дар рассуждения и утешения. Это выписка из молитвенных дневников старцев Феодосия и Никодима Карульских, подвижников XX века: «После этого у Старца отнялся язык и говорил он духом своим, мне одному только все было понятно. Так духом говорил и святитель Тихон Задонский перед смертью со своим келейником Иоанном. В этот день все духовные его чада приходили попрощаться с ним. Просили кому что надо, и он через меня давал им последние советы: и говорил мне духом, и все мне было понятно, и тогда я уже каждому передавал его слова. Это было прямо чудо. А еще к заходу солнца у нас остановились часы и не знали сколько времени, а было пасмурно. И мы

спрашиваем: “Сколько теперь времени?” А Старец духом мне: “Поставьте 11 часов”. А когда проверили на другой день по солнцу, то так и было». Воистину «И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как и Мы едино» (Ин. 17, 21–26).

Священная тайна древних и бесценный дар свыше получить от своего Старца благословение при уходе его в вечность. Это есть благодать, которую получил пророк Елисей от своего старца, святого пророка Илии (4 Цар. 2, 9–16). Преподобного Силуана Афонского и старца Софрония мы не можем мыслить раздельно, они есть единое духовное явление данное Богом нашему поколению.

О молитве

Больше всего внимания в своих размышлениях и наставлениях о. Софроний уделяет молитве, ей посвящена известная книга: «О молитве», где он чудесно открывает мир молитвы и утверждает основные богословские и аскетические положения этой великой духовной науки. Немало мыслей о молитве есть также в книге «Видеть Бога как Он есть», в письмах и беседах о. Софрония. Назовем еще одну книгу: «Одна ночь в пустыне Святой Горы», написанную митрополитом Иерофеем (Влахосом) под впечатлением от бесед со старцем Софронием.

Отец Софроний — муж молитвы, познавший ее самые совершенные формы. Молитва, дана была ему Богом еще во Франции в Париже, ради молитвы и по-

каяния, в жажде ее, он оставляет все и почти бежит на Афон, отдавшись на многие годы этому духовному чувству, ставшему через навык состоянием его души, смыслом его жизни, великим сокровищем.

«Достоинство молитвы превосходит ценность всякой иной деятельности, будь то в сфере социальной или политической, научной или искусства. Познавший сие на опыте легко жертвует своим материальным благосостоянием ради досуга для беседы с Богом. Великая привилегия иметь возможность останавливать свой ум на непреходящем; на том, что выше и дальше самых выдающихся достижений» [1, 141].

Глубокая покаянная молитва может привести человека к свободе в Духе Истины (Ин. 8, 32). Когда человек не хочет властвовать над кем бы, то ни было и не тяготеет властью других над собой. К сожалению, сие блаженное состояние святой свободы неведомо большинству людей. Старец Софроний познал ее, и в наибольшей своей силе — во время пребывания в благословенной пустыне на Святой Горе Афон, где он сподобился видения Нетварного Света.

Сложнейшая и в тоже время важнейшая тема — молитва. У о. Софрония мы не находим строгой системы или детального учения о ней, хотя некий элемент этого и имеется. Отец Софроний на основе своего опыта, а также опыта афонского монашества и традиции отцов, исповедует переживание и делание души тоскующей по своему Богу. *«В беспорядочном внешне описании процессов жизни человеческого духа речь*

идет о постепенном переходе из индивидуальной формы бывания в ипостасно-персональный образ бытия в Боге вечном. Систематизированное, аналитическое очертание восхода к сей жизни — дать невозможно. Не находим мы сего и в творениях святых великих отцов нашей Церкви. Схоластическая систематизация материала возможна до некоторой степени в концептуальных богословских трудах, но никак и никогда в живых словах о подлинной жизни нашего духа» [5, 35].

Множество вдохновенных слов и поэтических выражений о молитве мы находим у старца Софрония. Удивляет глубина его размышлений и ясность виденья духовных предметов, которые он смог описать и передать другим. Именно дух и смысл, а не мертвая буква присуще его мысли.

Молитва для него — «бесконечное творчество, высшее всякого иного искусства или науки. Через молитву входим мы в общение с Безначальным Бытием. Или иначе: жизнь Самосущего Бога входит в нас по этому каналу. Молитва есть акт наивысшей мудрости, всепревосходящей красоты и достоинства. В молитве — святое упование нашего духа. Но пути сего творчества сложны» [5, 5]. И святые отцы на страницах «Добротолюбия» говорят нам о том же: «Всякий иначе молится, когда весел; иначе, когда обременен печалью или нечаянием; иначе, когда процветает в духовных преуспеяниях; иначе, угнетается множеством вражеских нападений; иначе, когда испрашивает отпущение грехов; иначе, когда молит о приращении благо-

дати, или о стяжании какой-либо добродетели, или о погашении какой-либо страсти; иначе, когда поражен бывает страхом при размышлении о геенне и будущем Суде; иначе, когда воспламеняется надеждою и желанием будущих благ; иначе, когда бывает в нуждах и опасностях; иначе, когда наслаждается безопасностью и миром; иначе, когда осиявается откровениями небесных тайн, и иначе, когда скорбит о бесплодии в добродетелях и сухости чувств», – свидетельствует святой Кассиан Римлянин.

Но, все же, есть некоторые общие принципы, и о. Софроний отмечает их: *«Истинная молитва к Богу истинному есть общение с Духом Божиим, Который молится в нас; Он дает знать Бога; Он возводит дух наш в состояние созерцания вечности. Как сходящая Сыше благодать, молитвенный акт превышает наше земное естество, в силу чего ему противится тленное тело, неспособное к восходу в сферу духа; противится интеллект, бессильный вместить беспределность, колеблемый сомнениями, отталкивающийся от всего, что превосходит его разумение. Молитве сопротивляется социальная среда, в которой мы живем, которая организовывает свою жизнь с иными целями, диаметрально противоположными молитве. Молитву не терпят неприязненные духи. Но только она, молитва, возрождает тварный мир из его падения, преодолевая его косность и инерцию великим напряжением духа нашего в следовании заветам Христа»* [5, 9]. И научиться правильно молиться великое дело. Молитва помогает

при всяких недоразумениях и испытаниях, она же спасает, вводит нас в самое непосредственное живое общение с Богом, что само по себе грандиозное событие, хотя чаще всего она по детски проста.

Молитва, по мысли о. Софрония, определенно зависит от нашего мировоззрения: *«Наше христианство никогда не должно быть смешано ни с каким другим учением, существующем в мире: для нас существует только Евангелие»*. Молитва состоит из богословия, оно есть содержание молитвы. Постепенно совершенствуясь, молитва и богословие становятся *«состоянием нашего духа, живущего непрестанно в Боге и Духе Святым»* [2, 138].

Молитва также является путем познания и это путь такого познания, которое нас уже не покидает. Через молитву мы получаем откровения и вразумления, через нее мы познаем Бога и себя, познаем многие священные тайны, и это познание есть процесс отхода от мира, все *«возвышенные»* дела мира сего становятся некой «детской забавой». Эти новые знания защищают нашу душу. *«Познанное мною по дару Свыше в молитве любви в пустыне преодолевало встречные, негативные влияния: закон духа жизни во Христе Иисусе освободил (и) меня от «власти духа мира сего»*, — пишет о. Софроний [5, 65].

Молитва есть подвиг, временами это напряжение всех человеческих сил, даже до кровавого пота. Монах в этом отношении воин, его жизнь борьба за чистую молитву. *«Доколе мы в этом «теле греха», а, следова-*

тельно, в мире сем, дотоле не прекратится аскетическая борьба с “законом греха”, действующим в нашей плоти (Рим. 6, 6.). Видя себя не могущими преодолеть нашими усилиями, мы впадаем в некое отчаяние о нашем спасении. Как это ни странно, но нам необходимо жить это тягостное состояние. Нам полезен этот опыт ада» [5, 15].

Это важнейший момент в очищении нашего сердца, и о. Софоний получил по этому поводу точные указания от старца Силуана, которому было дано величайшее откровение от Самого Господа Иисуса Христа. «Поразительно заботливым был о мне Промысел Божий: именно в нужный момент Господь допустил меня до встречи с Силуаном. Благодаря ему в моей внутренней жизни наступил решительный перелом. Он объяснил мне “держать ум во аде — и не отчаиваться”. Великая моя благодарность к отцу и старцу моему. Я увидел, что и меня в прошлом Господь вел к тому же, но я был слишком туп, чтобы уразуметь Божие водительство. Благодаря Силуану и мне было дано начало познания путей Господних, и я с трепетом благословляю Имя Его» [5, 49].

Всегда и во все времена святые отцы разумели и твердо держались сего священного делания, хотя и на разном уровне. Преподобный Амвросий Оптинский пишет в своих письмах, ссылаясь на древних: «А на земле, по слову преподобного Петра Дамаскина, спасение совершается между страхом и надеждою. Поэтому святой Иоанн Лествичник советует, глаголя: аще и

на всю лествицу добродетелей взыдеши, о оставлении грехов молися».

Отец Софроний ясным образом описывает различные борения души, вот одно из них: «*Видеть себя в рабстве низких страстям, отвлекающим его (ум) от Бога, — оскорбляет его до боли великой. От отчаянного горя молитва собирается внутрь, в самую сердцевину существа нашего и принимает форму “спазмы”: весь человек сжимается воедино, подобно крепко сжатому кулаку. Молитва становится воплем без слов. Это одно из самых горестных переживаний: сознавать себя в темной яме греха, недостойным Святого святых. И нет иного — легкого пути для преодоления страстей*» [5, 22].

Конечно, высокое напряжение не может длиться долго и не все души способны на это, чаще молитва более проста, но направление ее все же одно. В письме родной сестре Марии, простой русской женщине, о. Софроний пишет: «*Молитва есть внутренний акт нашего духа. Выражаться он может самых различных формах. Нередко, и даже, может быть, особенно часто, в молчании нашем пред Богом. Молчим, потому что Бог ведает всю глубину нашей мысли, все чаяния нашего сердца, а выражать их словами мы не всегда способны. Бог же разумеет тайные движения сердца нашего и отвечает на них. Ты склонна, как очень многие, понимать молитву как стояние перед иконами с произношением веками установленных молитвенных формул (утренних и вечерних молитв или псалмов и подобное).*

Конечно, и к этой форме молитвы можно привыкнуть с детства и выполнять её каждый день. Но этого совсем не достаточно, и такая молитва вовсе не исчерпывает вопроса о молитве.

Если твой ум и сердце испытывают молитвенное настроение при чтении Св. Писания, то ты остаёшься в этом, доколе не прекратится молитвенное настроение. Правило же такое: всякое слово, всякое положение, при котором ум и сердце соединяются в единой памяти Божией, не должно изменять, пока не утомится ум, или сердце, или тело. Мои наблюдения над современными людьми приводят меня к выводу, что наиболее удобно для них молиться в храмах, особенно на Литургии. Литургическая молитва с частым причастием — полнота» [12, 55-57]. Господь открылся нам, явился миру (см. 1 Ин. 3, 5), и мы теперь имеем великое благословение и счастье, то что желали видеть и слышать пророки, войти в богообщение, соединиться с Ним в союзе любви. Молитва — есть общение с Богом через любовь.

Огромное значение о. Софроний придает умному деланию, главный момент которого — молитва именем Иисуса. Она и заповедана Им Самим (Ин. 16, 26.). Эта молитва освобождает наш ум из плена страстей. Теорию этой молитвы знают многие, о ней написано немало книг, но в действительной жизни осуществить ее совсем не просто. «Научиться вырывать ум наши от всякой мысли, направленной в сторону греха, — это великая наука». «И надо всю жизнь свою пребы-

вать в аскетическом напряжении и, прежде всего, в умном трезвении и в умной молитве» [2, 241].

Святые отцы говорят, что Иисусова молитва — это сжатое Евангелие, наше сердце и ум должны как бы пребывать, «плавать» в Нем. Именно через Иисусову молитву весь уровень нашей жизни поднимается даже до равноангельного жития. Рассеянность, невнимание, множество ненужных впечатлений сильно мешают современному человеку пребывать в умном делании, поэтому крайне необходимо окунуться в дух православного богослужения и предания, замолчать в отношении суеты мира сего и сформировать правильное мышление о предметах нашей веры.

Отец Софроний как всегда трезв в своих высказываниях о умном делании. «Но применение этого образа молитвы в жизни нашей повседневной требует большей осторожности. На Афоне духовная жизнь очень удобна, потому что она обеспечена извне. Там монахи могут посвящать этой молитве восемь, и двенадцать часов, и больше... Но это не для всех, далеко не для всех. И даже когда постоянно действует молитва, она действует иным путем, без ясного участия нашего мозга. Молитва двигается как бы в самом сердце, а ум наш может быть занят чем-нибудь другим. И тогда мы можем исполнить заповедь Апостола — всегда молиться, “непрестанно молиться”» (1 Фес. 5, 17) [3, 86].

Отец Софроний называет молитву именем Иисуса таинством. «Так, вопрос молитвы именем Иисуса занимает очень важное место в жизни Церкви, ибо

это есть вопрос спасения мира. Очень многое не зависит от нас, но можно сказать обратное — от нас зависит многое. В Церкви установилось молиться так: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», — прежде как покаянная молитва» [3, 89]. Храмы Божии, книги, уставное богослужение нужны как учебники школьникам, но есть мера немногих совершенных, когда весь мир становиться храмом Божием, и молитва совершается в духе и истине (см. Ин. 4, 23). Что достигается через великий подвиг веры и покаяния.

Своим монахам в Эссексе старец Софроний советовал заниматься ею по четыре часа в день, не более двух часов за раз, настраиваясь на многие годы молитвенного труда. И при условии: «Чтобы делание молитвы приводило к тем результатам, о которых с восторгом говорят наши отцы и учителя, необходимо следовать их учению. Первое условие — вера во Христа как Бога-Спасителя; второе — сознание себя погибающим грешником. Это сознание может достигать такой глубины, что человек ощущает себя худшим всех других; и это ему предстает как очевидность, не в силу внешне созданных актов, но как видение своей удаленности от Бога и себя — как потенциального носителя всякого зла» [5, 187].

В своей книге «О молитве» отец Софроний говорит о творчестве подвижника, о разных оттенках Иисусовой молитвы в зависимости от необходимости и действия Духа Святого.

Подвижник, делатель сей молитвы встречается со многими скрытыми противодействующими энергиями, с духами злобы поднебесной. Отец Софроний сам переживший жестокие нападения от бесов, отмечает необходимость навыка молитвы, который приходит от долгого и частого произношения молитвы, т. е. количественного и качественного упражнения в ней.

Отец Софроний приводит удачный пример: сравнение из истории двух молодых женщин, которые собирались рожать по методу так называемых «безболезненных родов» при помощи определенной гимнастики. Одна, большего ума, поняв смысл дела, оставила упражнения и при родах, позабыв теорию, родила с большим трудом. Другая же, по простоте своей, с усердием усвоила технику и родила без труда. «Так будет и с нами. Понять «механизм» умной молитвы для современного образованного человека – легко. Стоит ему помолиться две-три недели с некоторым усердием, прочитать несколько книг, и вот сам он может к числу написанных добавить свою. Но в час смерти, когда весь наш состав подвергается насильственному разрыву; когда мозг теряет ясность и сердце испытывает или сильные боли, или ослабления, тогда все наши теоретические знания пропадут, и молитва может потеряться» [5, 174].

Отец Софроний, приняв дух молитвы своего старца преп. Силуана, молившегося за весь мир, сам следовал за Христом, наставляя и других тому же: «Мы не умаляем жизненной силы Жертвы Христа, но раз-

деляем ее, соучаствуем в ней, живем все ту же реальность. Отсюда как бы урок нам: каждый из нас должен молиться за мир, искупляя его нашими молитвами» [8, 180].

О Литургической жизни

Множество восторженных слов произносит о. Софроний о Божественной литургии в своих наставлениях и это понятно, он поистине жил ею, всею душою переживал ее священный акт. Им был написан целый ряд молитв, предназначенных для литургической службы. Все, кто служил с ним или видел его в момент совершения Божественной Литургии и после нее, отмечали его удивительное преображение.

Отец Софроний пишет о возвышенейшей тайне Литургии: «*Мне трудно говорить о литургии. По-разному в различные периоды давал мне Бог жить литургию. Но в начале моего монашества был чудный период, продолжавшийся несколько лет: каждый раз после литургии было ощущение Пасхи, победоносной и светоносной! Это тем более странно, что, живя литургию с ее потрясающим и вместе с тем нежным захватом всего духа нашего в сфере самой Литургии, сам я жил только свое отчаяние! Я никак не мог вообразить себя достойным спасения! И когда я читал молитвы: “Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога Живаго, пришедший в мир грешные спасти, от них же первый есмь азъ...”, – меня охватывал тихий ужас перед величием тайны литургии! Раскрыть*

ее подлинное, бытийное содержание потребует от нас многого подвига» [3, 253].

Глубокие мысли и замечания о Божественной Литургии мы находим и в письмах о. Софрония. «*Литургическая молитва с частым причащением — полнота. Правда, для этого необходимо ее жить и разуметь. Тогда откроется, что литургия объемлет собою всю жизнь нашу; в ней заключены все планы нашего бытия в его обращенности к Богу. Литургия, если только она живется всем нашим существом, дает нам жить ее как Божественный акт, вмещающий не только весь этот видимый мир, но и выходящий безмерно за пределы. Не углубляя своих познаний в этой области, человек легко может впасть в привычку мертвящую и опустошающую. Необходимо непрестанно возрастать в познании Божием и не допускать, чтобы Литургия превратилась в деталь нашего благочестивого быта. Именно оттого, что она стала вместо литургии “обедней” был пережит всеми нами глубокий кризис*», — пишет о. Софроний своей сестре в Россию, точно указывая причину катастрофы Русской Православной Империи — отход общества от жизни во Христе [12, 57].

Процесс усвоения Литургии для современного человека совсем не прост. Прекрасно понимая это, о. Софроний выделяет наиболее важное, делая акценты на существенные духовные моменты этого Божественного действия. В книге «*Видеть Бога как Он есть*» а, точнее литургической молитве, посвящена глава.

Приведем некоторые выдержки из нее: «В этом мире литургия наиболее адекватно выражает то, что мы именуем ипостасной молитвою, т. е. молитвою подобною Гефсиманской Самого Христа. Пройдет не малое число лет прежде, чем мы вырастем до способности углубляться духом в ее, литургии, подлинные измерения. Внимательно следя всему порядку и содержанию сей службы Богу, мы вводимся в созерцание Бытия Божественного и бытия космического. Мы вспоминаем многие важные события от “Начала”, <...> и всякая деталь полна недостижимого для нас смысла. Так мы научаемся жить в планах двух реальностей: Божественной и нашей тварной».

«Свободным тварям предоставлена возможность идти до крайних проявлений зла; но доколе приносится бескровная Жертва, доколе литургическая молитва объемлет всех людей — живых, умерших и еще существующих родиться, доколе наличествуют души, молящихся за врагов по наитию Святого Духа, — дотоле Земля сохранится от всепожирающего апокалиптического огня. Так верил блаженный старец Силуан».

«Благой промысел Бога допустил меня десятки лет совершать литургию, и каждый раз, в той или иной мере, я чувствовал снисхождение Божие на службу сию. <...> Когда приблизился час получить благословение священства, тогда я не находил слов благодарности Богу моему за столь исключительную милость ко мне». «Спасаемся мы в высшем смысле через соучастие в страданиях Христа за нас. Включаясь в жизнь Господа

на Земле, мы обретаем Божественную вечность, исполненную любви. <...> Мы со Христом и на Тайной Вечере, и в Гефсимании, и на судах Каиафы и Пилата; мы разделяем с Ним несение креста после изнеможения от пыток и истязаний, – богооставленность и сошествие во ад. И в этом следовании за Христом – наш крест, невидимый, но реальный и Богу ведомый».

«Подлинные измерения литургии — воистину божественны, и мы никогда не исчерпываем ее содержания, особенно живя еще во плоти. Созданные из “ничто”, мы постепенно растем, развиваемся, совершенствуемся. Чем напряженнее наша жажда Бога, тем обильнее потоки новых постижений изливаются на наши головы. Разделяя со Христом Его Чащу, мы через причащение Тела Его и Крови воспринимаем также и Его Божество, как оно явлено Им на Земле во плоти и как оно вечно пребывает на небесах».

«Все сие входит в состав Божественного акта литургии: “Поминающие убо спасительную сию заповедь, и вся яже о нас бывшая: крест, гроб, тридневное воскресение, на небеса восхождение, одесную седение, ВТОРОЕ И СЛАВНОЕ ПАКИ ПРИШЕСТВИЕ: Твоя от Твоих Тебе приносящее о всех и за вся”». «Литургия есть Действие Самого Бога; она всецело принадлежит плану вечности. В ней проявляется Любовь Отца, и Сына, и Святого Духа в ее, любви, сострадание погибшим грешникам. Любовь Божия – жертвенная. Сею Жертвою удержано человечество от исчезновения (ср.: Быт. 2, 17). Животворящей силой ее сохраняется жизнь мира».

«Спасение миру сообщается чрез литургическое священное действие; особенно тем, кто жаждут воспринять благословение Отца Небесного. Нет ничего равного, ни подобного Делу Христа в путях избавления человечества. И те, которым вверено служение установленной Господом Литургии, содействуют братьям своим в шествии к бессмертию. В этом служении Церковь молится уже два тысячелетия, заботясь, подобно апостолу Павлу, о том, чтобы людям было дано истинное разумение открытых Богом вещей; чтобы они могли “постигнуть со всеми святыми, что есть ширина и долгота, глубина и высота” предвечного замысла Творца о нас» [1, 267-273].

Литургическое служение в монастыре должно занимать главное и правильное место, любое отклонение будет отражаться на догматическом сознании и на всей жизни. Как мы будем служить Литургию, так и будем жить в остальное время. Литургическая молитва собирает, обнимает и вмещает всех. Это Царствие пришедшее в Силе.

«Ныне становится невозможным для иерея, приносящего бескровную жертву, пребывать в пределах лишь местных нужд, забывая все прочее человечество, судорожно бьющегося в адских тисках взаимной ненависти и всякого рода насилий. Как бы ни была чревата наша современность апокалиптическими катаклизмами для грядущего, молитва христианина не должна ослабевать от кажущейся безнадежности, но возрас-

тать в своей интенсивности: мы брошены в первые ряды великой духовной битвы» [1, 280].

Служение Литургии, по убеждению о. Софрония, более должно быть в духе Гефсиманского плача: «*Душа священника неизбежно множество раз дойдет до изнеможения от видения всякого рода страданий, с одной стороны, и неправд и насилий, с другой. Именно сии безобразия и кажущиеся бессмысленными едва ли не все действия людей являются показателями падения нашего мира. Упорным подвигом мы должны удержать неумаленным наше вдохновение на литургическую молитву за все человечество. Долг священника – неизменное повторение во времени БОЖЕСТВЕННОГО АКТА ИСКУПЛЕНИЯ МИРА, во исполнение заповеди Христа: “Сие творите в Мое воспоминание”. Живое “воспоминание” и как видимое присутствие в истории вселенной Гефсиманской молитвы и Голгофской крестной смерти Господа» [1, 282].*

Как удивительно близок в своих переживаниях литургии архим. Софроний (Сахаров) святому прорведному Иоанну Кронштадтскому. Все мы знаем, что главным делом жизни всероссийского пастыря, великого русского священника, было служение Божественной Литургии как ходатайства за людей перед Богом. Нет сомнений, что им обоим сие открыто было Духом Святым. И нам важно отметить, что всероссийский пастырь, отец Иоанн, духовно вырос не в пустыне, он хранил и умножал в себе благодать в условиях города, можно сказать, находясь постоянно в людской толпе, в

очень неблагоприятных условиях для подвига. Санкт-Петербург и Кронштадт — вот места его духовного делания и молитвы. В связи с этим святой прав. Иоанн Кронштадтский является знамением для нашего времени и духовным сродником отца Софрония. К тому же и старец Силуан очень почитал и помнил праведного отца Иоанна, отмечая его любовь к людям, и именно с его благословения он и отправился на Афон.

В самом монашестве, в истинном монашестве, о. Софроний видел литургическую жизнь, «царственное священство» как молитвенное служение о спасении всего мира. Литургический акт расширялся на всю жизнь монаха. *«При таком сознании о священстве вся наша жизнь является служением спасению мира. В этом сущность Божьего дара — “царственного священства”. Быть носителем благодати “царского священства” (1 Пет. 2, 5.9) возможно и не имея священнического сана. Внутренняя сущность сего священства в том, чтобы молиться о всем мире, следя “примеру” (Ин. 13, 15) Самого Господа. Для нас, человеков, последняя, доступная нам мера — молиться за всего Адама, как за самого себя»* [1, 283]. Этим самым отмечается о. Софронием мера возможного на земле совершенства. Стяжать сей великий дар долгим и напряженным подвигом удается далеко не многим.

В обычной рутинной, внешне простой монашеской жизни сия священная жизнь не приметна и скрыта от многих глаз в Боге, узнается она лишь теми, кто сам старается идти за Христом, их подвиг подобен,

а внутренние переживания схожи. Входит в духовный режим монах постепенно и можно сказать не заметно. В течение дня монах должен пребывать в духе Литургии, которой и освящается весь день. Он старается хранить совесть чистой, все делать только с благословения и вести себя ровно, этим он встает на верный путь. Литургия, Чаша Христова являются центром, вдохновением, мерилом и источником всей монашеской жизни. Так хранится страх Божий, благоговение, тишина внутренняя и внешняя. Душа без особых телесных подвигов, которые и не доступны нашему времени, будет расти духовно, восходя от силы в силу.

Жизнь в монашестве, по отцу Софонию, это служение Литургии: *«Всей нашей жизни дает свою окраску то, что мы избрали как нечто самое главное для нас... Если мы отказались от всего прочего и сделали главным предметом Бога и жизнь с Ним, то всякое дело, которое мы делаем: готовим на кухне, стрижем траву, печатаем книги, делаем иконы, принимаем гостей, — входит уже в Божественную литургию, литургию как центр нашей жизни. И ничего другого у нас нет»* [3, 56]. Монах, если он садит картошку или носит кирпичи, он служит литургии.

Отец Софоний мог свободно служить литургию на разных языках, но, всё же, советовал своим духовным чадам, людям разных национальностей и культур, освоить язык, на котором молились Богу преп. Сергий и Серафим, прав. Иоанн и преп. Силуан, видя в этом не малую пользу.

«Язык человеческий предназначается для выражения реальностей различных планов: есть житейский план — естественных потребностей; есть близкий к нему и все же отличимый — примитивных душевных чувств и страстей; есть язык политической демагогии; есть научный, философский, язык поэзии; наконец, наивысший из всех — язык Божественного Откровения, молитвы, богословия и других отношений между Богом и людьми — ЛИТУРГИЧЕСКИЙ.

Славяне промыслительно одарены благословенным языком, служившим веками для богослужения, Священного Писания и молитвы, и никогда не низким житейским нуждам, ни даже церковной литературе. Мы категорически убеждены в необходимости употребления сего языка в богослужениях; нет вовсе нужды заменять его языком повседневности, что неизбежно снизит духовный уровень и тем причинит неисчислимый ущерб. Неуместны доводы якобы непонятности для многих современных людей старого церковного языка; людей поголовно грамотных и даже образованных. Для таковых овладеть совсем небольшим количеством неупотребительных в обыденной жизни слов — дело нескольких часов. ... Зачем понуждать Церковь к утрате языка, необходимого для выражения свойственных Ей высших форм богословия и духовных опытов?» [1,283].

Отец Софроний в Англии своих духовных чад учил, что Литургия должна быть в основе всей нашей жизни, он вынес это знание из пещеры со Святой Горы, где по ночам со многими слезами молился за весь мир

во время Второй Мировой войны. Но более всего он молился за Россию, и даже получил извещение о переломе в ходе войны. Из писаний и высказываний мы видим, что главное духовное делание отца Софрония (Сахарова) было служение Божественной Литургии в духе Гефсиманского плача, его он и перенес в Эссекс.

Устроение монашеской общины (на примере Иоанно-Предтеченского монастыря в Эссексе)

За последние два десятилетия в России были восстановлены многие храмы, монастыри, скиты и кельи, может быть, даже еще в большем благолепие, чем они были, но восстановление внутреннего содержания монашества представляется гораздо более сложной и продолжительной задачей. Все мы как члены Церкви чувствуем ответственность за благосостояние и духовное процветание Ее, и святые обители всегда были важнейшим составляющим в жизни Русского Православия и нашего государства. В России многие монастыри были основаны духовными старцами подвижниками по внушению Духа Святого, а не по их личной человеческой воле, и как показала история, эти обители были самыми жизнеспособными.

Монашеская община вокруг о. Софрония собралась естественно, так как него не было планов создать монастырь и во Франции он находился лишь с одной целью — издать рукописи старца Силуана, и в этом он видел волю Божию. На Афон он не смог вернуться из-за состояния своего здоровья, которое окончательно надорвал, при операции ему удаляют большую часть желудка, и он становится инвалидом.

В 1951 в Русском Доме Сен-Женевьев-де-Буа священник Борис Старк буквально подымает отца Софрония на ноги, в дальнейшем они крепко дружат

всю оставшуюся жизнь, более сорока лет. Со временем к нему стали прилипать духовно жаждущие люди разных возрастов и национальностей, мужчины и женщины, юноши и девушки, желавшие жить под его духовным руководством. По слову своего старца о. Софроний помогал всем нуждающимся. «*Еще в тридцать восьмом году старец Силуан как-то сказал мне: «Когда вы будете духовником, то принимайте людей, не лишайте их слова Божия, потерпите их»* [2, 253]. Появились желающие жить по монашески, так начала зарождаться община, однако во Франции не удалось юридически оформить обитель, и она переместилась в Великобританию.

Чудным образом в невероятных условиях западного инославного или, скорее даже, языческого мира молитвами и слезами отца Софрония создается святая обитель. Недалеко от Лондона — этого европейского Вавилона — появляется островок православия, куда со всей Европы притекают жаждущие духовной пищи люди.

Переезд в Англию и устройство там жизни было нелегким делом: «*Переселение наше в Англию было броском в неизвестность. У меня было мало средств, и они скоро истощились*». Все делалось своими руками, медленно и трудно, о. Софроний был уже в пожилом возрасте. Жили очень просто, можно сказать бедно, питались картошкой. Первым делом в приобретенном доме устроили небольшой храм. «*Кроме того, необходимо было организовать повседневную жизнь: «кухню»,*

огород, отопление, уборку дома, привидение в порядок комнат наших, уборку сада и прочее без конца. Все мы работали до упаду. Спать мне приходилось нередко не более четырех часов в сутки» [11, 138].

Отец Софроний служит каждый день, к тому же сильно переживает о людях. «Люди, наивные часто, стремились сразу же после нашего приезда (о котором написано было во многих журналах и даже говорили по радио в отделе внутренних известий) ехать к нам с визитом, с желанием видеть наши богослужения, устройство нашей “аскетической” жизни, наши “уставы”, “порядки” и все подобное. Писали нам письма, ждали от нас нетерпеливо ответов, терзали нас всем этим. Я написал около двухсот писем за эти два месяца, но не погасил тем недовольство нами. Многие обижены моим невниманием. Я в ужасе», — пишет о. Софроний своему другу, протоиерею Георгию Флоровскому [11, 138].

Какие духовные принципы были заложены в основание святой обители? На что нам важно обратить свое внимание, какой опыт мы можем принять и усвоить? И у нас вполне есть такая возможность.

Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь довольно интересное и новое явление в православном мире. Афонский дух, богатейшая и глубокая традиция Святой Горы были перенесены на европейскую почву, более десятка национальностей приняли заветы святых отцов востока. Увидев в этом промысел Божий, о. Софроний заложил самую высокую евангельскую

идею всему устройству монастыря. «Моим желанием было основать монастырь в духе прп. Силуана <...> Необходимо сохранить в себе это восприятие Христа: все человечество — единое дерево, и все мы или ветки, или листья, или плоды на этом дереве. Естественно для всякого христианина стать носителем в себе всего Адама. Всякий из нас должен стремиться к тому, чтобы жить всю историю человека от сотворения мира до последних судеб его. И тогда мы станем христианами» [2, 44].

Отец Софроний убежденно говорит об универсальности христианской жизни, и ни в коем случае не хочет снижать горизонт своего виденья, он всеми силами старается создать атмосферу единства и любви. Тонко чувствуя и понимая современное общество, он постепенно и терпеливо возводит своих духовных детей на заданную высоту — единство монастыря основывается на вечном будущем.

«Итак, я предложил вам условия жизни, которые соответствовали бы структуре интеллектуальной и телесной современных людей, приходящих к монашеству» [2, 283]. «Наша здесь (в Old Rectory) жизнь является НОВЫМ ОПЫТОМ, который далеко еще не достиг той фазы, когда мы смогли бы сделать какой-либо вывод для будущего. Наш эксперимент ненаучен в том смысле, что мы его не организовываем сами. Больше того: мы даже не видим возможности такой “организации”, поскольку ударение ставится на проявлении

двух свобод: Божеской и человеческой. И та, и другая — не детерминированы» [9, 45].

Отец Софроний не привлекал в общину кого-либо специально; все, кто стал членами ее, сделали свой выбор сами, взвешенно и зрело. Он не устанавливал строгого устава или вообще какой-то дисциплины, а показывал пример, предлагал «образ» жизни, и при чем постепенно. Он ясно понимал, что современному человеку отказаться от своего «Я» и пойти за Христом очень непросто. Молитвы и слезы за каждого — вот главное дело старца, и оно приносило плоды. В Эссексе братья верили, что собрались они тут не случайно, их собрала благодать Святого Духа, т.е. этот монастырь, эту семью, дал Бог, значит это самое дорогое.

«Не исключена возможность, что наш первый опыт в будущем даст некоторое основание другим монашеским объединениям идти уже более уверенно; если уместно здесь, то сказал бы — рационально. В новых условиях секуляризированного, научно-технического мира та форма монашеской жизни, которая создается у нас не надуманно, а в силу обстоятельств, может оказаться наиболее реальной для будущих поколений» [9, 46]. Обратим внимание на эти очень важные слова.

Крайняя нехватка таких качеств, как мужество, самопожертвование, терпение и кротость, при колоссальном противлении всего мира Духу Христа невероятно усложняет задачу. Трудностью также являлась разность национальных менталитетов. Гостей и дру-

зей в Эссексе было много, но конкретно членами монашеской общины становились далеко не многие.

Отец Софроний хорошо знал, что такое монашеский крест. К тому же современные люди психологически на много стали сложнее и противоречивее, простота стала большой редкостью, душа нынешнего человека — словно запутанный узел.

В силу времени, обстоятельств и состояния общества отец Софроний предлагает сосредоточить силы современного монашества на то, что представляется ему наиболее важным. Европейская цивилизация с ее мировоззрением, технологиями и темпом жизни оказывает огромное влияние на человечество и не все способны подвигаться в данных условиях. И если христианин встает на монашеский путь, он должен ясно осознавать свое православие, почему он выбирает и как понимает монашеское служение и призвание.

Отец Софроний не ставит уставную жизнь на первый план, он призывает и ждет от каждого члена братства подлинного понимания ответственности перед Богом, перед братьями и сестрами за жизнь всей монашеской общины. Он отмечает необходимость предельной чуткости к нуждам каждого другого члена братства, готовность к самопожертвованию, к служению общим интересам, а не своим индивидуальным. Жить братством как единый человек, забыв себя ради общего дела. «Любовь не ищет своего» (1 Кор. 13, 4). Только так может устоять монастырь как духовно, так

и материально, так можно определить меру преуспеяния подвижника.

Не видя возможности установить строгую традицию безмолвия (исихазма) в современных условиях отец Софроний, опираясь на советы отцов, старается в своей монашеской общине со страхом удержать глубокое понимание Литургического служения. Он вводит всех членов церковной общинны в смысл Божественного акта лежащего в основании спасения мира, это есть общее и главное дело объединяющее и возвышающее всех. От этого центра происходит освящение всего уклада жизни монастыря, различных его послушаний: огорода, сада, иконописной, уборки домов и храмов, встречи и устройства гостей и т.д.

Создав условия совместного проживания для разных людей, о. Софроний задает им цели и задачи, поднимает их сознание над погибающим миром, наполняет высоким смыслом эту внешне простую жизнь. Господь пришел в этот мир «чтобы послужить» (Мф. 20, 28) и только в служении достигается красота характера и сияние души. Он, монах, переживает всю историю человечества как историю своего спасения, и в тоже время, что его личный подвиг нужен этому миру и в этом смысле он настоящий, истинный дворянин, господин Христов.

«Монах, взирающий на стоящую перед ним цель — воспринять христианское Откровение в его вечных измерениях, не может принадлежать ни к какой партии или категории мира сего. Мысль подвижника

стремится найти путь к мысли Бога Отца о Человеке и сличься с нею навеки. Это задание вырывает его из всего, что носит на себе печать земной ограниченности: расовой, классовой, политической, психической, интеллектуальной, культуры определенного плана. Мы просим в молитве: “Да придет Царствие Твое” в надежде, что Бог Отец ниспошлет на нас Духа Своего, носящего в Себе все сущее, дабы Сей вселился в нас и сделал нас гражданами сего Непоколебимого Царства. Наши блаженный отец Силуан учит нас понимать монашество как молитву за весь мир: “Монах — молитвенник за весь мир: в этом его главное дело”» [9, 60].

Монах не рационален, он отодвигает рассудок на второй план, для монаха его опорой являются заповеди Христа. Подвижник, утвержденный на этом основании, становится свидетелем веры самой жизнью во Христе. Люди приходят в монастырь и хотят увидеть веру Христову и монастырь им должен дать ее как результат личного духовного опыта монахов, как уверенность, как правду. Во всяком движении и жизни монахов люди ищут увидеть серьезный подвиг за Христа, пример который оживит и их веру. Вот почему на Руси народ всегда так любил монастыри, что конечно и сегодня имеет огромное значение для миссии Церкви.

Начинается же духовная жизнь с малого и постепенно. Совместная в едином духе жизнь, хранение своей совести буквально ко всему, покаяние, терпение и литургическая молитва. «Господь говорит апосто-

лам: «Если вы будете едино в любви, тогда все познают, что вы Мои, то есть Христовы, ученики» (см. Ин. 13, 35). Читая Евангелие, пожалуйста, помните эти слова Христа и сделайте нашу жизнь такой, чтобы мы любили друг друга, чтобы наша жизнь была единая жизнь. Страйтесь применять их ко всякому случаю нашего общения. Тогда придет спасение ко всем вам, и тогда вы станете способными помогать и другим, неся им слово о спасении. Но начинать надо с того, чтобы самим жить заповедь Божию с великим трудом: в постах молитвах, в скорбях и болезнях» [3, 51].

При этом необходимо понять свою меру. Мера подвига — это то, что мы можем нести стабильно ровно, без надломов и перепадов многие годы и это один из сложных и трудных моментов духовной жизни как определить свою меру. Тут необходимо и личное терпение и крайнее внимание и живое слово опытных.

Отец Софроний со своим глубочайшим духовным опытом и даром рассуждения прекрасно понимал дух нашего времени. Более двадцати лет Афона, знание различных форм монашества на Святой Горе, духовничество, а затем десятки лет проживания в Европе и общение с разными людьми дало ему полноту реального видения положения вещей. Он устроил монастырь и жизненный уклад так, чтобы община, и каждый ее член максимально серьезно и ответственно подходили к своему монашескому призванию, но без лишней внешней строгости и дисциплины. По этому

определенном уставу в Эссексе неизменно живут уже около шести десятков лет.

Отец Софроний по внушению свыше пытался преодолеть различия национальности и пола: у братии и у сестер общины было единое богослужение, которое частью заменялось Иисусовой молитвой на разных языках, единое послушание и трапеза. *«Когда кто-либо приходит в наш монастырь, имея опыт других монастырей, у него может возникнуть идея, что у нас беспорядок и нет дисциплины. И я вовсе не хвальюсь, что у нас нет дисциплины или что у нас есть дисциплина: это — малый вопрос. Но как сохранить дух жизни — вот вопрос, стоящий перед нами...»*

Итак, кто бы из вас ни думал, что у нас много беспорядка, помните, что это не важно! — Важно, чтобы было у нас полное сознание того, что мы в Духе Христа Бога. И тогда, как св. Иоанн Богослов говорит, между нами есть единение в общении духовном (Ин. 17, 23). А иначе будет с нами то, что случается в миру, и особенно в образованной среде, где царит страшное одиночество. Там каждый человек, стяжавший свое мировоззрение, дорожит им. И когда его мировидение не совпадает с другими, они не могут жить вместе. Но вы «будьте как дети» (Мф. 18, 3), которых можно смешать и они сразу начинают быть в общении.

Итак, настоящая структура внутренняя строится таким порядком: мы веруем во Христа, распятого за грехи всего мира, как воплотившегося Сына Отчего, как воспринявшего наш образ бытия, и любим

Его. И когда мы хотим соблюсти заповеди Его, то будем, рыдая на каждую ночь, просить Его дать нам силу идти вслед за Ним, а не за миром сим. Мы отошли от этого мира, потому что этот мир живет во вражде, во мраке... О главном я сказал: какое у нас должно быть настроение духовное. И тогда даже наша неорганизованная жизнь все-таки будет удобною для молитвы и для плача» [2, 104].

Отец Софроний большое внимание уделяет борьбе с худыми помыслами, он видит в этом большую опасность, т. к. спасаемся мы все вместе, и наше состояние души касается всех. «Когда посещают нас плохие помыслы о ком бы, то ни было, боритесь с этой худой мыслью о брате вашем или сестре вашей! Тогда вы сохраните единство жизни, единство любви в Духе Бога нашего. Люди не знают того, что когда они помышляют что-либо недоброе, будучи у себя в углу, в своей “берлоге”, то они разрушают великое тело всего человечества; “ведя очень скромную борьбу, но со всяким плохим помыслом, со всякой негативной, недоброй мыслью о брате, не отдавая сердце наше тому, что разрушает нас, — можем мы устроить настоящую монашескую жизнь”». «Что страшит меня в будущем? Если вы не будете учиться побеждать всякую дурную мысль, то поставите в опасность самое существование монастыря. Но если вы молитесь о монастыре как о месте, которое дал всем нам Господь, то, конечно, цель спасения души нашей будет достигнута по милости Божией». «Максим, великий подвижник, сказал:

“Дай телу воздержание и пост по силе, а остальное отдай уму”. Итак, мы будем следить за тем, чтобы наш ум никак не соединился с образом страсти, которая стучит в дверь сердца нашего, чтобы привлечь нас к греховному акту. И получается, что наша аскетическая борьба зависит от культуры нашего ума» [3, 190].

«И дай вам Бог силы удержаться на этом монашеском пути и быть ответственными за всякую мысль, за всякое слово и даже за всякое движение нашего сердца. Ибо мы без слов можем изводить энергию благодетельную от сердца и без слов можем ранить брата и повредить его жизни» [3, 197].

«Если мы живем таким порядком, тогда каждый день для нас будет вырастанием и приготовлением к вечной жизни в Боге и с Богом. Так мы можем войти в дух монашества, чтобы и нам быть подобными истинным монахам: прпп. Серафиму, Сергию, Силуану Афонскому, Иоанну Лествичнику, Ефрему Сирину и другим прочим святым и апостолам. Если вы хотите укрепить стены монастыря, молитесь друг за друга и живите всех как одну семью. И таким путем мы поможем братьям нашим и сестрам, которые приходят к нам как гости и сомолитвенники» [3, 240].

Владыка Иерофея (Влахос) с большой любовью и восхищением описывает ту удивительную духовную атмосферу, которая царила в монастыре Святого Предтечи Иоанна в Эссексе в Англии: «...я был потрясен!».

Внешне же монастырь имеет свой особенный вид. Законы Англии не давали возможность слишком высоко строить церковные строения и все вышло довольно сдержано, но гармонично, со вкусом и с любовью. В монастыре имеются несколько храмов. Храм в честь Святого Пророка Предтечи Иоанна, храм преподобного Силуана Афонского и храм в честь Всех Святых, также устроены трапезные и гостиницы для приезжих, коих было всегда немало. Есть свои мастерские и небольшое хозяйство, красивый сад и прекрасные аллеи. В настенных росписях, как и во многом, старец Софроний принимал участие сам лично, уже совсем в преклонном возрасте поднимался вместе с сестрами на леса и писал святые образы. Он буквально трепетал над своим детищем, вложив в него все свои оставшиеся силы, всю свою душу, более тридцати лет своей жизни.

В конце XX века старец Софроний и его монастырь в Эссексе становится весьма авторитетными в православном мире, в монастырь приезжают или обращаются многие известные монахи. Назовем некоторых из них, это сегодняшние митрополиты Илларион (Алфеев) и Иерофей (Влахос), также архимандрит Емилиан, игумен монастыря Симонопетра и архимандрит Ефрем, игумен монастыря Ватопед. Обращался к старцу и архимандрит Адриан (Кирсанов). И конечно множество людей буквально из разных концов мира, получая каждому на потребу.

Заключение

Мы все понимаем, что одного только школьного богословия не достаточно для полноты богоопознания, такое образование сообщает в основном сведения о Боге и Церкви, дает необходимую теорию христианской жизни. Действительно же наставниками монашества могут быть только те, кто прошел путем внутреннего монашества, монашества–покаяния, кто прикоснулся к живому преданию, кто отдал все свои силы, всю свою жизнь этому делу. Те, кто познал опыт послушания и молитвы, кто образован и к этому еще получил от Бога дар рассуждения, а главное, кто имеет призвание на сие высокое служение, могут стать учителями и воспитателями молодого поколения монахов.

В личности архимандрита Софрония (Сахарова) мы видим человека великого духа, незаурядных способностей и искреннего сердца. Почти семь десятков лет своей жизни он посвятил монашескому подвигу, зная не понаслышке все формы и степени этого образа жизни. Его книга, «Старец Силуан», известная во всем православном мире и обратившая многие души ко Христу, стала классикой православной литературы и мы не мыслим преподобного Силуана и отца Софрония отдельно, они единое духовное явление XX века.

Иоанно-Предтеченский монастырь, основанный архимандритом Софронием (Сахаровым), на заветах и в духе преп. Силуана Афонского, новое и интересное явление, он в своем роде уникален и универсален. Различия в возрасте, поле и национальности (более 10

национальностей) были преодолены высотой замысла и цели — мыслить и жить все человечество как единого Адама и не отчаиваться.

Община никогда не претендовала на какую-то особую исключительность, а жила тихо в духе смиренного служения человечеству, не требуя ни чего от людей. «Кто хочет быть первым, да будет всем слуга» (Мк. 9, 35). И в тоже время монастырь притягивал к себе людей буквально со всего света. «По плодам их узнаете их» (Мф. 7, 16).

Мы безо всякого преувеличения можем сказать, что архимандрит Софроний прямо следует древним великим отцам и учителям Церкви, таким как преп. Исаак Сирин, преп. Симеон Новый Богослов и свт. Григорий Палама. Из тех, кто более современны к нам, отец Софроний по интеллектуальному охвату церковной жизни близок ко свт. Игнатию (Брянчанинову), но в их жизни есть некоторое различие — отец Софроний, все же, нашел своего старца, и масштаб его монашеской жизни назовем смело вселенским.

Без сомнения, архимандрит Софроний (Сахаров) является великим старцем нашего времени, это признают многие наши известные современники из среды православного монашества. Подобно святому старцу Паисию (Величковскому) он смог перенести традиции отцов и монашеский дух Афона на европейскую почву, показать красоту, высоту и глубину православия западному человеку, дать новый импульс в затухающем христианстве.

Подобные примеры не остаются без внимания, мы все знаем, как тепло полюбила православная Россия иеромонаха Серафима (Роуза), американца по происхождению. Удивляет нас и духовное чадо старца Иосифа Исихаста старец Ефрем Филофейский давший основание семнадцати православным монастырям в Америке. Все такие явления православного мира, конечно, заслуживают самого достойного изучения.

Отец Софроний был истинным пустынником, но Господь поставил его и на служение людям, имея удивительно чуткое сердце и благодатные дары он мог видеть состояние человеческих душ и руководить их ко спасению. К нему приезжали и обращались многие подвижники православия из разных стран, его слово имело большой авторитет, оно благодатно. Благословение знать истинный путь сегодня неоценимо, и он знал его. Он мыслил о том, что беда нашего времени в том, что никто не знает, что делать и куда идти. Любовь — крайне оскудеет (Мф. 24,12), а тот кто не любит, тот пребывает во тьме неведения.

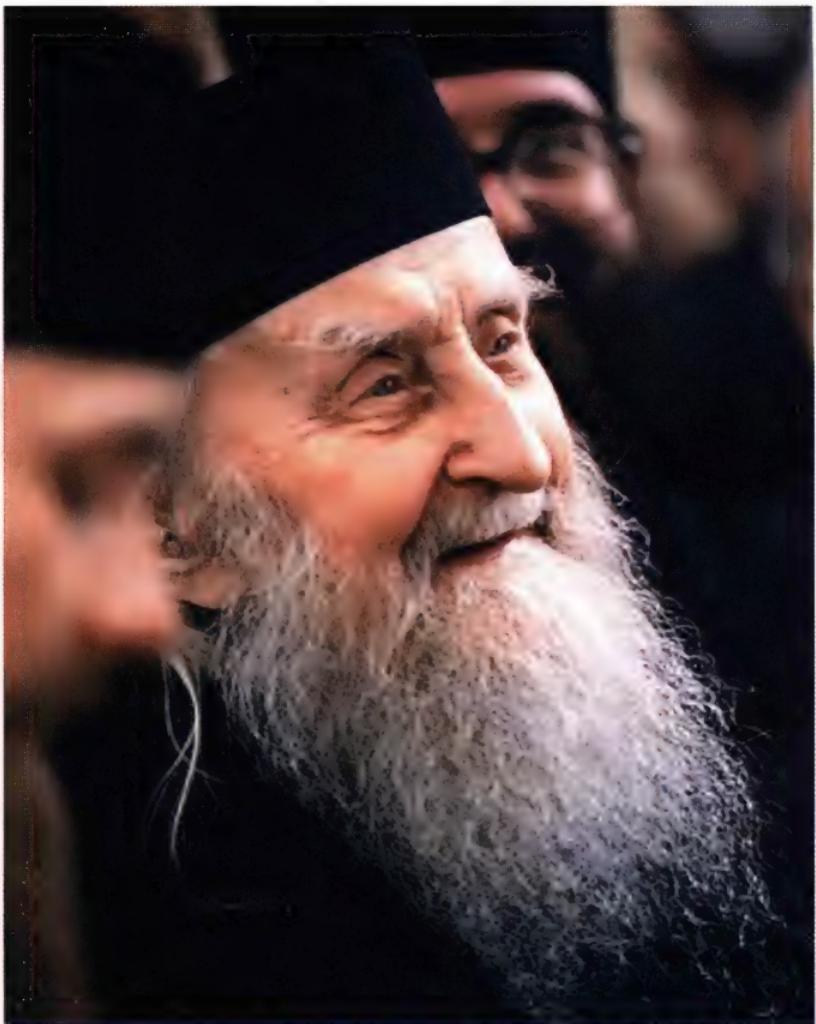
Самое главное в учении отца Софрония о монашестве — это общинная жизнь и Литургия, когда задается Евангельская высота «Да будут все едино» (Ин. 17, 21-23). Единая духовная семья, непростая наука жить вместе, жить — как единый человек, через общее, совместное служение и послушание, изменение состояния своей души. При этом быть предельно внимательными для того чтобы не допускать худых помыслов против ближнего своего, не дать место злому духу и

так, постепенно, достигать истиной Христовой любви. Монах образом своей жизни и сострадательной молитвой должен притягивать благодать в этот падший мир. И это есть общее дело за спасение погибающего человечества.

Миссионерская же сторона жизни монастыря открывается в общей атмосфере любви — «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13, 35). А старческое и духовническое окормление мирян, которое присутствовало в Эссексе, всегда было желательным для Церкви.

Отец Софроний удивительно просто и ясно показывает для современного человека духовную реальность, изъясняет нашему сознанию язык Святых Отцов. Он очень деликатен, любовь предваряет каждое его слово, а потому оно действует, это слово духовное ищущим спасение.

Мы убеждены, что духовный опыт и наставления архимандрита Софрония (Сахарова) имеют для нас сегодня огромное значение. Его нужно изучать и усваивать и особенно в монашеской среде как свежий глоток воздуха, как бальзам для больного человека, это есть особый и необычайно драгоценный дар современному монашеству. Дух Святой доселе и до скончания века по непреложному обетованию будет действовать в Церкви, и то наследие, что оставили нам преподобный Силуан Афонский и старец Софроний, есть новое Добротолюбие по форме своей возможно более удобное для нашего времени.

Архимандрит Софоний с молодыми монахами
Эссекс

В гостях у схиигумена Серафима (Покровского-Бараделя), ученика и келейника старца Софрония

Икона келейная преподобного Софрония (Сахарова)
Афон (Ватопед)

Икона келейная преподобного Софрония (Сахарова)
Валаам

Источники

1. Софроний (Сахаров), архим. Видеть Бога как Он есть / архим. Софроний (Сахаров). — 3-е изд., испр. — Сергиев Посад: СТЛ; Эссекс: Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, 2006.
2. Софроний (Сахаров), архим. Духовные беседы. В 2 т. Т. 1 / архим. Софроний (Сахаров). — Москва: Паломник; Эссекс: Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, 2003.
3. Софроний (Сахаров), архим. Духовные беседы. В 2 т. Т. 2 / архим. Софроний (Сахаров). — Москва: Паломник; Эссекс: Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, 2007.
4. Софроний (Сахаров), архим. Молитвенное приношение / архим. Софроний (Сахаров). — 2-е изд., испр. и перераб. — Сергиев Посад: СТЛ, 2014.
5. Софроний (Сахаров), архим. О молитве / архим. Софроний (Сахаров). — 2-е изд. — Сергиев Посад: СТЛ, 2010.
6. Софроний (Сахаров), архим. Письма близким людям: переписка с семьей протоиерея Бориса Старка / архим. Софроний (Сахаров). — Москва: Отчий дом, 1997.
7. Софроний (Сахаров), архим. Подвиг богоопознания: письма с Афона (к Д. Бальфуру) / архим. Софроний (Сахаров). — 2-е изд. — Сергиев Посад СТЛ, 2010.
8. Софроний (Сахаров), архим. Рождение в Царство Непоколебимое / архим. Софроний (Сахаров). — Москва: Паломник; Эссекс: Патриарший Ставропигиальный Свято - Иоанно - Предтеченский монастырь, 1999.
9. Софроний (Сахаров), архим. Таинство христианской жизни / архим. Софроний (Сахаров). — Москва: Паломник; Эссекс: Иоанно-Предтеченский монастырь, 2009.

10. Софроний (Сахаров), иером. Преподобный Силуан Афонский / иером. Софроний (Сахаров). — Сергиев Посад: СТЛ, 1999. — 464 с.
11. Софроний [Сахаров], архим. Переписка сprotoиереем Георгием Флоровским / архим. Софроний (Сахаров). — Эссекс: Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь: СТЛ, 2008.
12. Софроний [Сахаров], архим. Письма в Россию / архим. Софроний (Сахаров). — Эссекс: Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь; Москва: Изд-во братства святителя Тихона, 1997.

Содержание

Предисловие	3
Учение о монашеском пути	6
О монашестве	6
О покаянии.	14
О Священном Предании.	25
О послушании и старчестве.	31
О молитве	43
О Литургической жизни.	54
Устроение монашеской общины (на примере Иоанно-Предтеченского монастыря в Эссексе) .	63
Заключение	76
Источники	80

Афанасий (Коренкин), иером.

АРХИМАНДРИТ СОФРОНИЙ (САХАРОВ):
ПРИНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОМУ
МОНАШЕСТВУ.

Редактор, верстка: А. В. Уткинский

Подписано в печать: 07. 11. 2018 г.
Формат 70×100/32. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 5.5
Тираж 1000 экз.

